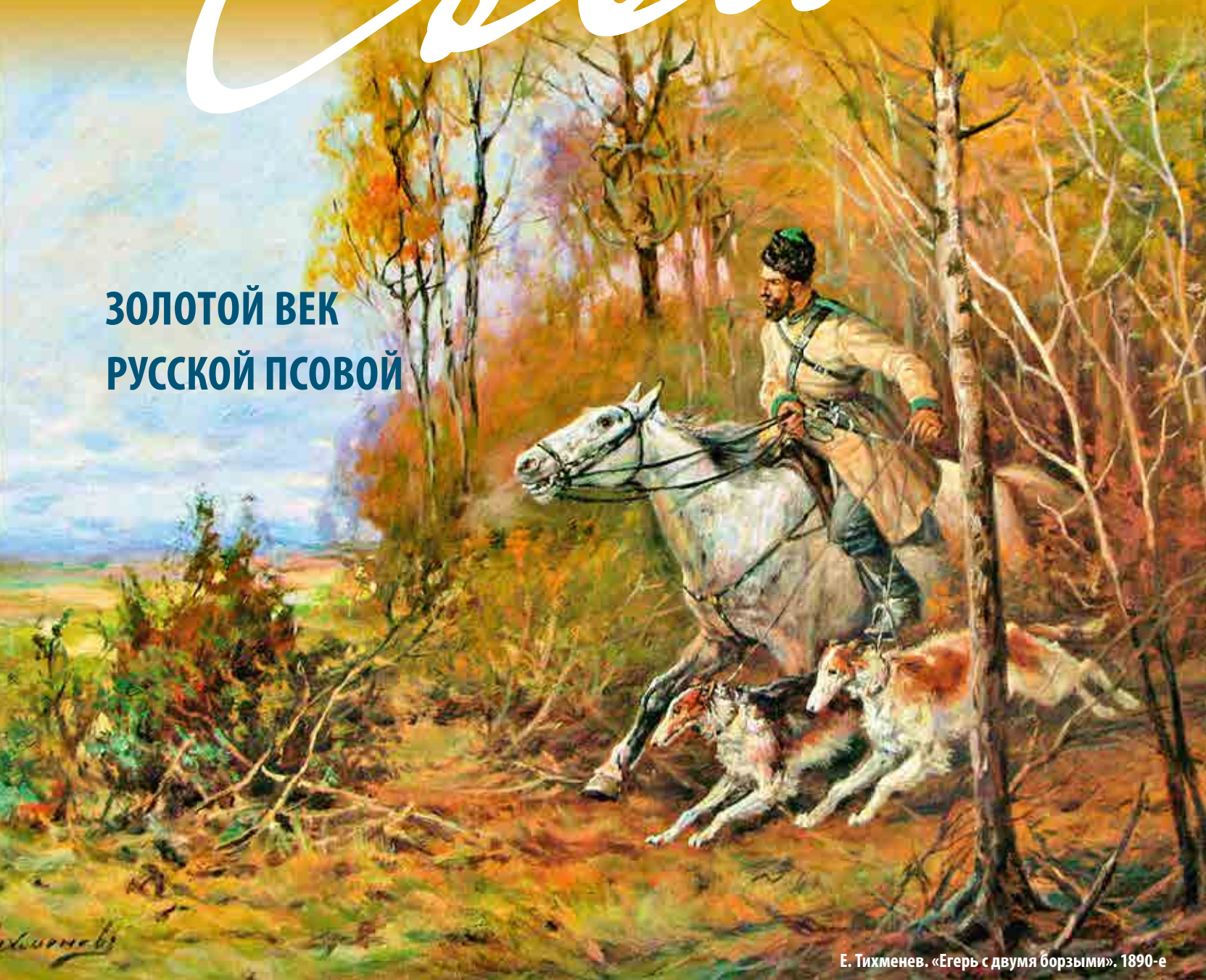

сентябрь 2017

Свое

журнал
Никиты Михалкова

ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОЙ ПСОВОЙ

Е. Тихменев. «Егерь с двумя борзыми». 1890-е

Лавровая ветвь

Мог ли генерал Корнилов
прекратить смуту 1917-го

Кто убил Луизу Деманш?

Сухово-Кобылин
и роковая тайна

В чем дело, сразу не поймешь

80 лет назад родился
Геннадий Шпаликов

История Москвы для детей и взрослых

МУЗЕЙ Москвы приглашает посетить уникальную выставку. «Визуальный учебник» покажет историю столицы с помощью более чем 2000 предметов из коллекции музея. Отсчет начинается 27 тысяч лет назад и хронологически завершается на эпохе Петра I, когда Белокаменная потеряла столичный статус.

Посетители узнают, когда на территории современной Москвы появились первые поселенцы, увидят древнейшие орудия труда и охотничье оружие, рыболовные снасти, изделия из кремня, дерева и кости.

Раздел, посвященный средневековому городу, расскажет о том, как жили, во что одевались и что ели москвичи, какие товары везли из Европы, Византии и стран Ближнего Востока, какие ремесла были в почете и почему самая популярная игра в «зернь» считалась запрещенной.

Среди экспонатов — знаменитая сумка-калита азартного московского игрока в кости, клад средневековых монет, кувшин с надписью «Добра человека

ФОТО: МУЗЕЙ МОСКВЫ

Григория Офонасьева», головной убор жены воеводы, тканый золотной нитью, надгробие немецкого наемника, опричника Каспара фон Эльферфельдта, а также боевые топоры, кольчуги, шлемы и железный меч XIV века, найденный под зданием Манежа в 2004 году.

Гости выставки заглянут в древний колодец, позвонят в колокол, отлитый по приказу самого патриарха Никона, увидят летевшие на врагов каменные ядра, вытесанные для защиты крепостных стен.

Особое место в экспозиции отведено истории возникновения Кремля. Представленные макеты наглядно продемонстрируют, как менялась главная городская крепость с XII по XV столетие.

Посетители также увидят макет Кремля конца XVI — начала XVII века.

Выставку органично дополняют работы знатока московской истории, археолога, художника Аполлинария Васнецова, на полотнах которого изображены Москва XII века с высоты птичьего полета, древний Кремль Ивана Калиты и Дмитрия Донского, Красная площадь в конце XVII столетия.

Выставка организована при поддержке правительства Москвы.

*Адрес: Зубовский бульвар, 2,
Музей Москвы, корпус 3.*

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Осторожно: гапоновщина	26–29	Великие реалисты
Барышни-крестьянки
Портретист Боровиковский —
от классицизма к сентиментализму
3–5	Война и мир
Больше, чем победа
Так что же помнит вся Россия
про день Бородина?	30–33	Страна мастеров
Свеча горела
Электрический гений Paul Yablochkoff
6–9	На семи холмах
Панорамное зрение
Один из старейших музеев столицы
отмечает двойную дату	34–36	Служу России
Домосед на краю империи
Владимир Арсеньев: приключения
во славу Отечества
10–13	Красные и белые
Лавровая ветвь	37–39	Родное слово
Простое ремесло
К 135-летию со дня рождения
Бориса Житкова
14–17	Советская власть
Щит и меч Железного Феликса
О противодействии Дзержинского
западной агентуре	40–43	Стоп-кадр
В чем дело, сразу не поймешь
18–21	Философ о философе
Человек соборный
Вопросы и ответы Семена Франка	44–47	Записки охотника
Золотой век русской псовой
22–25	Литфонд
Кто убил Луизу Деманш?	48	Трапезная
Как рак свистнет, так и рыба запоет

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Михаил Бударагин, Наталья Семина

Ответственный секретарь: Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

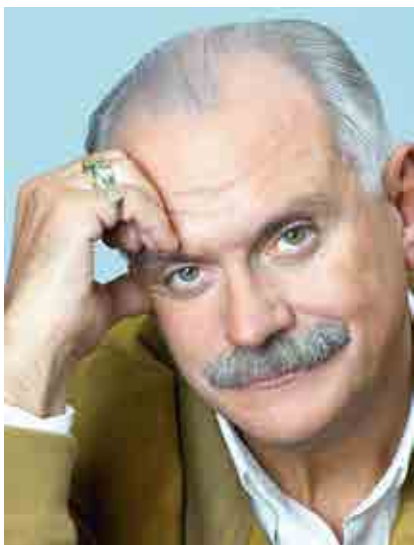
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 40 155

Подписано в печать 24 июля 2017 г.

Осторожно: гапоновщина

Сентябрь: старт учебного года и высокого сезона в политике. Хотя на сей раз политическая активность не замирала и летом. «Оппозиция», решившая в предвыборном 2017-м обойтись без каникул, обратила на себя внимание какой-то особенной нечистоплотностью, опасной игрой в гапоновщину.

«Мой грех — это знаменитая петиция рабочих... Я ее написал по предложению Гапона, в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу... Я толкал женщин и детей на бойню, чтобы вернее достигнуть намеченной цели. Я думал: избиение взрослых мужчин, может быть, еще перенесут, простят, но женщин, расстрел матерей с грудными младенцами на руках! Нет, этого не простят, не могут простить. — Пусть же идут и они! — говорил я себе. — Пусть они умрут...» Эти откровения Александра Матюшенского, автора «челобитной», с которой рабочие 9 января 1905 года, в день, печально известный как Кровавое воскресенье, шли к Зимнему дворцу, ранее у нас практически не цитировались.

Фантастические по своей бесчеловечности слова были зачитаны мною в одной из весенних программ «Бесогон-ТВ». Мы посвятили тот выпуск теме политических провокаций, а точнее, намеренного использования в массовых беспорядках несмышленных юнцов. Предостережения оказались не напрасными: это подтвердили события 12 июня.

В центре Москвы, на Тверской, проходил грандиозный фестиваль реконструкторов, приуроченный ко Дню России. Неожиданно в скопления людей, пришедших отдохнуть, посмотреть на праздник, — в том числе стариков, детей, женщин с колясками, врзается невесть откуда взявшаяся толпа. Она истошно горланит заученные лозунги и прет вперед, сметая все на своем пути. В толпе много подростков и юношей допризывного возраста, их опьяняют азарт, шанс вволю побесчинствовать, желание проявить чудеса героизма в «борьбе с коррупцией».

Все это выглядит как нелепая фантасмагория. Однако она несет в себе очевидные риски, грозит вылиться во что угодно: чудовищную давку, силовое противостояние с крепкими мужиками-реконструкторами (а многие из них прибыли сюда с женами и детьми и, разумеется, встанут грудью на их защиту), в кровопролитные стычки с полицией...

Анализируя произошедшее — опять-таки в своей программе «Бесогон», — я призвал власть и общество адекватно относиться к тем, кто, пользуясь наивностью несовершеннолетних, их слабым знанием истории, возрастным максимализмом, толкает мальчишек и девчонок на бесчинства, насилие, грубые нарушения порядка. Новоявленных гапонов следует однозначно квалифицировать как преступников.

Нужно больше и чаще рассказывать юным — в СМИ, интернете, семьях, школах, училищах, вузах, — какова природа политических провокаций. Быть слепым орудием аморальных, циничных дельцов, преследующих исключительно личные интересы, — это не героизм, но глупость. За которую впоследствии будет мучительно стыдно.

Фрагмент панорамы Ф. Рубо
«Бородинская битва»

Больше, чем победа

Генеральное сражение Отечественной войны 1812 года, во многом определившее судьбу России и Европы, отгремело 205 лет назад. Однако историки, обсуждая события того времени, до сих пор не пришли к согласию. О том, почему споры специалистов продолжаются, «Своему» рассказала кандидат исторических наук, в недавнем прошлом главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва» Лидия Ивченко.

Августин Северин

СВОЙ: *Что в современных дискуссиях, посвященных «дню Бородина», остается предметом полемики?*

Ивченко: Попытки однозначно ответить на вопрос: «Кто победил?» А также категорические суждения о финале Отечественной войны 1812 года. В нашей историографии не подвергалась сомнению фраза Кутузова: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля». Но с началом перестройки появились некие альтернативные версии: русские, мол, одержали победу лишь благодаря преимуществам, которые давали климат и пространство. Причем это ставилось чуть ли не в вину нашему главнокомандующему, как будто где-то прописано, что эти факторы использовать запрещено и победу следует добывать исключительно в чистом поле.

В конце XIX века видный немецкий историк Ганс Дельбрюк предложил разделить стратегию измора от стратегии сокрушения. А спор о преимуществах того или иного плана войны начался еще в XVI столетии, с работы Никколо

Л. Ивченко

Макиавелли «О военном искусстве». В 1812 году Михаил Кутузов, наиболее яркий и последовательный в России сторонник стратегии измора, получил возможность проверить некоторые свои взгляды на ведение войны. Он был не просто опытным военачальником,

но человеком с большим интеллектуальным багажом. Еще в годы его учебы в Артиллерийской и инженерной дворянской школе преподаватели отмечали, что Кутузов прекрасно читал местность, видел все ее преимущества и недостатки. Герой Измаила и Мачина успел к моменту французского нашествия послужить и дипломатом, и военным разведчиком, и директором Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса, где преподавал теорию военного искусства. Одним из полководцев, на которых он ссылался, был знаменитый Мориц Саксонский. Тому принадлежит тезис: «Природа бесконечно сильнее человека; почему же этим не воспользоваться?» Во время второй Русско-турецкой

войны в штабе Кутузова оказался принц Шарль де Линь. Последний был известен в Европе как образец аристократического поведения. Так вот он оставил на сей счет еще один афоризм: «Лучше разбить неприятеля зимой, нежели самому быть разбиту летом».

СВОЙ: *Считается, что в ходе боев наступающая сторона несет более значительные потери, нежели обороняющаяся. На Бородинском поле было не так. Чем это объясняется?*

Ивченко: Наши потери — свыше 40 тысяч человек, французские — больше 30 тысяч, разница не очень велика. Знаменитый военный теоретик Карл фон Клаузевиц впоследствии писал, что русские войска для отражения атак должны были построиться в несколько линий, воины практически дышали друг другу в затылок. Так же плотно стояла и армия Наполеона. Подобные построения сопровождались большими потерями, однако их несли обе стороны.

СВОЙ: *В «Войне и мире» полк Андрея Болконского вынужденно бездействует, находясь под сильным огнем артиллерии. Почему такое происходило?*

Ивченко: Если посмотреть документы того времени, то увидим, например, приказ князя Багратиона накануне битвы, где он пишет: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым». Военачальники знали, на что они шли. Ближний бой плюс огонь артиллерии влекут за собой очень большие потери. Картина битвы выглядела примерно так: первые ряды в буквальном смысле уничтожают друг друга, поэтому успех зависит от того, чьи резервы подойдут раньше. Граф Михаил Воронцов вспоминал: «Моя дивизия исчезла не с поля боя, а на поле боя». Уже через четверть часа от нее осталось 350 человек, а сам он оказался тяжело ранен. Должна была сразу же вступить (и вступила) в бой поддерживавшая его

дивизия генерала Дмитрия Неверовского. За ней следовала дивизия принца Карла Мекленбургского.

Почему-то отдельные историки, рассматривающие этот эпизод, немилосердны к Кутузову. Они не принимают во внимание особенности тактики того времени. Очень плотно стояли не только наши войска, но и неприятельские. В своих мемуарах французы пишут, что немалый урон был причинен кавалерии, которая находилась рядом со сражавшимися, близко к русским оборонительным укреплениям.

СВОЙ: *Почему о Бородинском сражении по большому счету вспомнили лишь спустя 27 лет?*

Ивченко: Александр I повелел оценивать длительность войны с Наполеоном в три года и три кампании. У нас традиционно выделялась первая из этих кампаний. Как говорил Денис Давыдов, «это война наша родная, наша Отечественная». Тем не менее, у предков была такая хронология событий: то, что началось в 1812-м в России, закончилось в 1814-м во Франции. Поэтому торжества на Бородинском поле были приурочены к 25-летию взятия Парижа. Имелась и другая причина: середина XIX века — время, когда во всей Европе сформировался общественный запрос на патриотизм. Каждая страна осознавала себя в качестве самостоятельного субъекта, и требовались факты, которые подтверждали бы значимость истории государства. В таком же ключе складывалась историография Испании, Великобритании, Германии.

СВОЙ: *А это не связано с тем, что Кутузов более важным считал сражение при Малоярославце?*

Ивченко: Эти две битвы нельзя сравнивать. Что касается Малоярославцевой, то по длительности она была такой же, по упорству — тоже, но там численность войск была в разы меньше. Наполеон надеялся открыть путь в полуденные губернии России до прибытия русской

армии. Кутузов перехватил все дороги, которые вели на юг, и Бонапарт решил не предпринимать генерального сражения, уйти в направлении Смоленска, где у него находилась база. Поэтому фраза нашего полководца о том, что «Малоярославец есть предел нападения, начало бегства и отступления врага», совершенно справедлива.

А Бородинское сражение было дано во время отступления от западных границ. Михаил Илларионович решил на него по причинам особого характера. Отступление затянулось, и это сказывалось на моральном духе солдат. Войска находились в 108 верстах от Москвы, и мысль о том, что, возможно, придется сдать ее без боя, ужасала каждого русского. Кутузов пошел на генеральное сражение, несмотря на фактическое численное превосходство противника. Некоторые историки насчитали, что у нас вместе с ополченцами — 150 тысяч, у Наполеона — 136 тысяч. Но ополченцы, около 50 тысяч человек, были недостаточно вооружены и обучены, и фельдмаршал приказал, чтобы они находились даже не в третьей, а в четвертой линии

и принимали там раненых. Еще 15 тысяч — подкрепление из-под Калуги — оказались необстрелянными, их пришлось раскассировать по старым полкам. Новобранцы могли быть эффективными только в окружении старослужащих. При этом цель, которую поставил себе Кутузов в Бородинском сражении — не дать себя разбить, увести войска, — была выполнена. Он не только отвел армию, но вывез обозы и артиллерию. Если бы те достались французам, то продолжение войны стало для России бесперспективным.

СВОЙ: *Как бы Вы ответили на извечный вопрос Бородинского сражения — кто победил?*

Ивченко: Клаузевиц писал, что если поражение не сопровождается энергичным преследованием, то неприятель не добился победы. У Бородино этого не было. Алексей Ермолов, начальник штаба 1-й армии, вспоминал, что «победа пребыла обеим из противоборствующих сторон непреклонною». Наполеон потом подытожил: «Французы показали себя достойными одерживать победы, русские стяжали право быть непобедимыми».

А. АВЕРЬЯНОВ. ЭПИЗОД БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ. ПОДВИГ АРТИЛЛЕРИСТОВ. 1993

На семи холмах

Музей-панорама
«Бородинская
битва»
на Кутузовском
проспекте

Панорамное зрение

Ольга Марьяновская

В этом году исполняется 105 лет панораме «Бородинская битва», главному экспонату одноименного столичного музея. Развитие мультимедийных технологий не сказалось на интересе к исторической живописи — в залах музея всегда много посетителей. Одно из самых больших в мире полотен производит очень сильное впечатление. Оно переносит зрителя в центр сражения, позволяет ощутить грандиозный масштаб военных действий.

АВТОР панорамы Франц Рубо родился в 1856-м в Одессе и там же обучился основам профессионального мастерства. Впоследствии, проживая за рубежом, неизменно считал себя русским художником. Именно он стал основателем отечественной школы панорамной живописи. Известность ему принесли картины о Русско-персидской войне и боевых событиях на Кавказе, панорамы «Штурм аула Ахульго», «Оборона Севастополя».

К 100-летию Отечественной войны 1812 года по заказу императора Николая II художник написал панораму Бородинского сражения, которая до 1918-го экспонировалась в Москве в павильоне на Чистых прудах.

Позже живописное полотно было демонтировано, долго хранилось свернутым и сильно пострадало. К 1962 году его отреставрировали и выставили в специально построенном здании на Кутузовском проспекте — рядом с восстановленной «Кутузовской избой», в которой некогда состоялся знаменитый военный совет. Увы, на этом злоключения не закончились: в 1967-м в музее случился пожар, уничтоживший значительную часть холста. Мастера из Студии военных художников им. М.Б. Грекова восстановили творение Рубо.

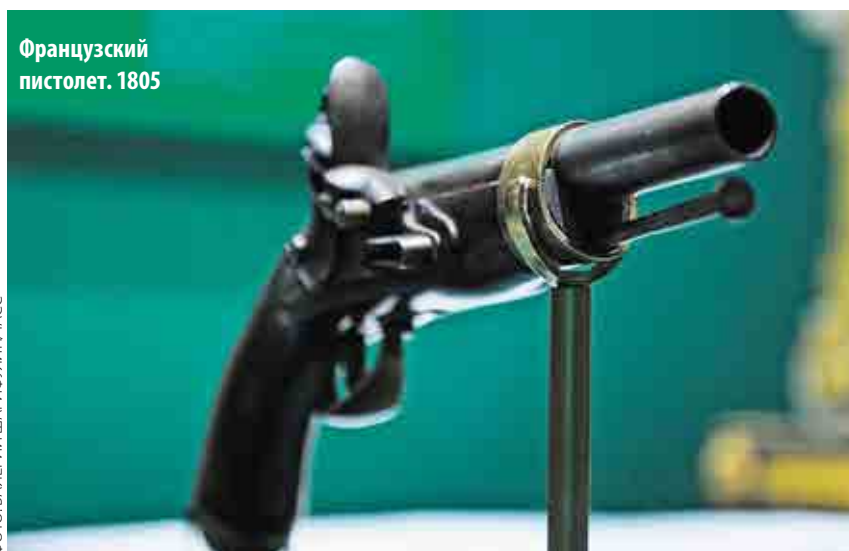
Длина полотна по кругу — 115 м, высота — 15 м. На нем изображено более двух тысяч фигур. Перед зрителем предстает Бородинское поле — таким, каким оно было 7 сентября 1812-го. Линия фронта пролегает по Семеновскому оврагу. Русские — на восточном берегу, неприятель — на западном. В разгаре ожесточенный бой. На переднем плане наши кавалерия, пехота, артиллерия, казаки, ополченцы. Один из композиционных центров произведения — кавалерийский бой во ржи, другой ключевой эпизод — гвардейская пехота отражает натиск французской тяжелой кавалерии. Вдалеке видны командные пункты Кутузова и Наполеона. А вокруг — романтический подмосковный пейзаж: поля спелой ржи, зеленая трава, тронутый багрянцем лес, серо-голубые дали. Предметный план, создающий иллюзию объемности, демонстрирует сгоревшие постройки деревни, боевые орудия.

Детально изучить все изображенное на картине, узнать точное расположение войск, найти конкретных участников битвы помо-

Русские полководцы войны 1812 года. Фрагмент памятника Михаилу Кутузову

ФОТО: СЕРГЕЙ ПИТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Французский пистолет. 1805

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛИН/ТАСС

Зеркало-псише и книга К. Виланда «Новый Дон Кихот» в музее-панораме «Бородинская битва»

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛИН/ТАСС

НА СЕМИ ХОЛМАХ

гут интерактивные киоски в панорамном зале.

Стенды дополнительно рассказывают обо всех главных событиях Отечественной войны 1812 года. В залах представлены подлинное оружие и снаряжение, награды, предметы быта, качественные реконструкции военных мундиров обеих армий, а также живописные полотна и графика.

Под стеклом хранятся личные вещи майора Павла Никитина: походный сундук, подсвечник, табакерка, бумажник, ножницы и документы, случайно обнаруженные на чердаке старого московского особняка. Гордость музея — предположительно последний прижизненный портрет Михаила Кутузова, написанный художником Романом Волковым в 1813-м. Рядом — витрина, повествующая о жизни главнокомандующего, несколько предметов из его дома в Петербурге. Специально для музея были исполнены копии портретов Петра Багратиона, Михаила Барклая-де-Толли, Матвея Платова, Николая Раевского и других выдающихся военачальников. Кроме того, здесь можно увидеть изображения императора Александра I, героев-ополченцев, участников партизанского движения и их командиров — Дениса Давыдова, Александра Сеславина, Александра Фигнера, руководителей крестьянских отрядов Василисы Кожиной, Герасима Курина, Егора Стулова.

Особый раздел посвящен героизму москвичей в борьбе с оккупантами, пожару в Первопрестольной и отступлению Наполеона. Показаны и все последующие события войны вплоть до изгнания французов из страны и подписания русским царем Манифеста 25 декабря 1812-го (7 января 1813-го), а также — заграничный поход 1813–1814 годов, завершившийся триумфальным вступлением русской армии в Париж.

В музее сложилась хорошая традиция. Ежегодно 7 января от-

мечается праздник «Манифест»: представители клубов военно-исторической реконструкции зачитывают текст высочайшего документа, возлагают цветы к памятнику Кутузову работы Николая Томского, звучит военная музыка.

В горнице «Кутузовской избы» есть мультимедийная экспозиция, посвященная военному совету в Филях. Другой отдел этого музейно-исторического комплекса — «Музей героев Советского Союза и России» — находится на Большой Черемушкинской. К празднованию

105-летия панорамы там развернута выставка портретов под общим названием «Таков я был в минувшие лета...» — более ста работ русских и европейских художников конца XVIII — XXI веков.

О сегодняшнем дне и ближайших планах музея-панорамы «Свой» попросил рассказать его директора Владимира Преснова:

— Основную поддержку мы получаем от учредителя — департамента культуры Москвы. Более того, его руководитель Александр Кибовский когда-то сам у нас ра-

Курсант Первого Московского кадетского корпуса у портретов героев войны 1812 года

ФОТО: РАМИЛЬ СИДИКОВ/РИА НОВОСТИ

ботал. Как специалист в области атрибуции портретов, он недавно прочитал здесь весьма содержательную лекцию. Мы же, со своей стороны, стараемся сделать наши мероприятия максимально интересными и полезными. Организуем выставки в других городах. Участвуем во многих программах московского правительства. Особое внимание уделяем, конечно же, работе с детьми и подростками. К примеру, одна из образовательных программ музея называется «Гроза двенадцатого года». Проводим тематические экскурсии: «Скажи-ка, дядя» по всем известному стихотворению Лермонтова, а также — «По страницам романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Проект под названием «Год народной славы» реализуем совместно с шестнадцатью столичными библиотеками. В них выставлены вышедшие в начале XX столетия книги об Отечественной войне 1812-го из коллекции музея. Там же проходят мастер-классы, лекции, интерактивные занятия. Есть у нас и интернет-про-

Особый раздел посвящен героизму москвичей в борьбе с оккупантами, пожару в Первопрестольной и отступлению Наполеона

екты. Например, с прошлого года существует в виртуальном мире «МАРШRouteРубо» — о жизни и творчестве замечательного художника.

С июня 2017-го действует online-проект «Голоса 1812 года»: по четвергам на страничке музея в сети Facebook размещаются видеозаписи, на которых артисты и деятели культуры зачитывают исторические документы, репортажи, воспоминания о той войне. Благодаря этому история становится для зрителей и слушателей несколько ближе, перед их глазами, можно сказать, воссоздается эмоциональная атмосфера далекой эпохи.

Осенью выйдет каталог экспонатов из фондов, посвященных пожару Москвы 1812 года. Он будет проиллюстрирован оригинальными комиксами, исполненными молодыми художниками. С недавних пор действует экскурсия «За кулисами панорамы», позволяющая увидеть картину за предметным планом, на расстоянии вытянутой руки, а также узнать удивительные факты из ее истории. Масштабная выставка экспонатов откроется в ноябре этого года в Центральном выставочном зале «Манеж». Функционировать будет в течение года, представляя музей на то время, пока главное здание окажется закрыто на капитальный ремонт. Затем планируется открытая реставрация панорамы, которая станет происходить прямо на глазах у посетителей. Это не только не нарушит рабочий график, но и сделает пришедших сопричастными судьбе, делу сохранения панорамы «Бородинская битва».

Красные и белые

Памятник
генералу Корнилову
в Краснодаре

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ЛЕВЧЕНКО/ТАСС

Лавровая ветвь

Валерий Шамбаров

Сто лет назад, летом и осенью 1917-го, революционная Россия постепенно разваливалась. Разлагалась армия. Финны готовились провозгласить независимость, за ними потянулись украинские националисты. В Петрограде Ленин и Троцкий замыслили переворот. А союзники по Антанте настаивали: русские войска должны предпринять наступление. Наши военачальники доказывали, что это недопустимо: в обороне мы еще держимся, оттягиваем на себя силы противника, но если заставить солдат идти вперед, то все рухнет. Однако союзники упрямо требовали атаковать. Для этого в Петроград прибыла специальная миссия из США во главе с советником президента Илайей Руттом. Он поставил вопрос ребром: не будет решительных действий, останетесь без кредитов. В результате на 1 июля (18 июня) наметили наступление. Его возглавил георгиевский кавалер генерал Лавр Корнилов.

ОПЕРАЦИЯ была заведомо обречена на провал. Солдаты митинговали, на Западном и Северном фронтах в атаку поднялись лишь отдельные части, на Юго-Западном фронте только 8-я армия Корнилова ударила дружно. И... прорвала фронт. Сразу стало очевидно, каким победоносным могло быть русское наступление в 1917 году, если бы не революция. Даже ограниченными силами наши войска громили неприятеля, занимали города, брали десятки тысяч пленных. Австро-Венгрия в ужасе взывала к Германии, считая войну проигранной. Однако на других участках фронта наступление не началось. Немцы без труда сняли оттуда дивизии, закрыв прорыв.

Тем временем в Петрограде 16 (3) июля большевики и троцкисты подняли восстание, правда, плохо подготовленное. Горстки юнкеров и нескольких частей, верных правительству, вполне хватило, чтобы его подавить. Известия о

беспорядках в тылу деморализовали воевавших, а германское командование смогло собрать группировку против прорвавшихся русских и нанесло контрудар. Наступавшие армии, также расшатанные «демократизацией», в панике побежали. Бросили занятую территорию, покатались дальше неуправляемыми толпами дезертиров, грабили и безобразничали по тылам.

Военная катастрофа и восстание в столице стали шоком для общенности, до сих пор восторгавшейся революцией. Посыпались требования навести порядок. Союзники же как будто впервые увидели, что творится в России. Объявили, что Временное правительство, которое они совсем недавно расхваливали, состоит из демагогов. В противовес стали выдвигать Керенского. Еще с весны вся российская пресса развернула в его поддержку беспрецедентную агитацию. Какими только эпитетами не награждали: «рыцарь революции», «львиное сердце», «народный трибун», «солнце сво-

боды России», «спаситель Отечества». Кто оплачивал столь массивную кампанию? Понятно, что не сам Александр Федорович.

Британский посол в России Джордж Бьюкенен писал: «Керенский — единственный, на кого можно делать ставку». Французский министр Альбер Тома также характеризовал его как «единственного трезвого, способного и демократического политика, способного восстановить порядок в России и возобновить ее военные усилия». Что ж, Временное правительство вело себя очень послушно по отношению к западным державам. 20 (7) июля министр-председатель Георгий Львов подал в отставку и предложил Керенскому сформировать новый кабинет.

Последний во главе правительства повел себя странно. Поначалу вроде бы взялся наводить порядок. По требованию верховного главнокомандующего Корнилова на фронте восстановили смертную казнь, отмененную кабинетом Львова.

Л. Корнилов принимает парад юнкеров на Дворцовой площади. Петроград. 19 марта 1917 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Керенский. Петроград. 1917

Главком пресекал бунты, расстреливал мародеров. Были закрыты большевистские газеты «Правда», «Окопная правда», «Волна». Но в то же время Керенский мешал арестовать руководителей петроградского восстания, через общего знакомого предупредил Ленина, и тот сумел скрыться. Распоряжение об аресте Троцкого было отменено.

Контрразведка представила исчерпывающие доказательства финансирования большевиков из Германии, а путч в столице выглядел преступлением слишком вопиющим. Керенскому пришлось подтвердить приказ об аресте его предводителей. Однако ленинскую партию не запретили. 8 августа (26 июля) открылся VI съезд РСДРП (б). На нем большевики объединились с троцкистами, взяли курс на вооруженное восстание. Информация об этом решении попала в прессу. Правительство тем не менее никаких мер не приняло, даже разгонять съезд не рискнуло. Как только газеты экстремистов закрывали, они тут же продолжали выходить под другими названиями.

Керенский взялся подыгрывать сепаратистам, признал власть Центральной рады на Украине. А вот к царской семье отнесся далеко не так лояльно. Чрезвычайная следственная комиссия Временного

правительства при всем желании не нашла ни единого доказательства измены государя и его супруги. Англия, куда они хотели выехать, отказалась их принять. Николай II просил отправить его с семьей в Крым, и Керенский как бы дал согласие. И подло солгал: вместо Крыма экс-монарха и его близких вдруг сослали в Тобольск — абсолютно противозаконно, без каких-либо обвинений, вообще без суда.

Что же касается самого Александра Федоровича, то очень быстро выяснилось: худшую фигуру во главе правительства сыскать было трудно. Позерство и тщеславие доходили в нем до карикатурности. Выслав Николая II и его семью в Сибирь, переехал жить в Зимний дворец. Обедал в царской столовой, спал в царской кровати. Ввел даже церемонии подъема и спуска красного флага, когда он изволил проснуться или лечь в постель. И все это сочеталось с полным отсутствием деловых качеств. Положение в России все больше заботило Запад. Ведь нужно было завершить войну. Бьюкенен писал: «Для нас пришло время сказать откровенно русскому правительству, что мы ожидаем сосредоточения всей энергии на реорганизации армии, на восстановлении дисциплины на фронте и в тылу». Аналогичные

рекомендации давали французы: расправиться с большевиками, разогнать Советы. Жорж Клемансо отзывался о них: «Банда мошенников, оплачиваемых тайными службами Германии».

Русское общество стало понимать: Керенский, несмотря на славу «спасителя Отечества», почему-то не спешит оправдывать авансы. Взоры патриотов — офицеров, казаков, интеллигентов, промышленников, депутатов Думы — обратились к Корнилову. На Государственном совещании в Москве ему устроили триумфальную встречу.

Жесткую линию верховного главнокомандующего одобряли и державы Антанты. Бьюкенен доклады-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Л. Корнилов

вал в Лондон: «Все мои симпатии на стороне Корнилова... Он руководствуется исключительно патриотическими мотивами». Французский премьер-министр Александр Рибо писал своему послу в Петрограде: «Все союзники чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы Керенский и Корнилов сумели организовать энергичное правительство». Англия и Франция провели закрытую конференцию и приняли совместное постановление — поддержать Лавра Георгиевича. Предусматривалось установление диктатуры, но не единоличной, а коллегиальной.

Намечалось направить в Петроград надежные войска, разогнать большевиков, разоружить разложившийся двухсоттысячный гарнизон, после чего распространить на тыловые районы законы военного времени, реорганизовать армию и твердой рукой довести страну до Учредительного собрания. Керенский после долгих переговоров согласился. Верховный главнокомандующий отдал приказ 3-му конному корпусу генерала Александра Крымова и ряду других частей начать движение к Петрограду.

Но произошло непредвиденное. 8 сентября (26 августа) Керенский неожиданно поднял шум: он, дескать, раскрыл заговор. И объявил Корнилова «изменником». Даже Временное правительство было ошеломлено таким поворотом. Стоялось бурное заседание, Керенский требовал себе диктаторских полномочий для подавления «мятежа». Другие министры возражали. Александр Федорович несколько раз хлопал дверью, угрожал, что уйдет к Советам. А затем взял да и распустил кабинет. Присвоил себе те самые «диктаторские полномочия», отстранил Корнилова от должности (на что не имел никакого права), потребовал отмены движения войск к Петрограду и назначил верховным главнокомандующим самого себя. Корнилов выступил с воззванием к народу, заявив, что «правительство снова попало под влияние безответственных организаций», а приказ генералу Крымову дополнил — «при необходимости оказать давление на правительство».

Особенно красноречиво в те дни выглядело поведение посла США Дэвида Фрэнсиса. Он настоял на созыве совещания послов держав Антанты. Собрались дипломаты 11 государств и решили... поддержать Временное правительство против Корнилова, словно бы забыв, что в тот момент никаких «временных» не существовало. Керенский ведь распустил их и управлял

страной один. Однако его взяла под крыло Америка. А послы Англии и Франции, судя по всему, получили новые инструкции от своих правительств. Всего несколько дней назад они горячо выступали за Корнилова, сейчас же резко переменили позицию, хотя сами же в своих донесениях характеризовали Керенского как демагога, оппортуниста, на которого «нельзя положиться».

Для Александра Федоровича мнимый мятеж стал прекрасным поводом освободить из тюрем настоящих путчистов, большевиков. К Троцкому и его товарищам обратились с просьбой помочь организовать отпор «контрреволюции». Керенский распахнул перед Советами

оружейные склады, развернулось формирование Красной гвардии. Железнодорожники останавливали воинские эшелоны, отцепляли паровозы. Связь между частями и их командирами была оборвана. Казаки 3-го конного корпуса не могли понять, в чем дело. Они ехали защищать правительство, которое вдруг объявило их мятежниками. К солдатам и офицерам хлынули агитаторы — правительственные, меньшевистские, большевистские. Корнилов, оставшийся в Ставке и оторванный от войск, 14 (1) сентября был арестован.

«Мятеж» закончился ничем. А точнее, имел важные, но противоположные по духу последствия. Провокация позволила Керенскому ликвидировать в России оставшиеся монархические или хотя бы умеренно правые организации, закрыть их газеты. На сентябрь намечался созыв Учредительного собрания, которое призвано было определить государственное устройство страны, но вместо этого организовали некое Всероссийское демократическое совещание. На нем не было даже умеренных либеральных партий — только левые. При таком раскладе решения Учредительного собрания дожидаться не стали — Россия была провозглашена республикой.

Началась подготовка «учредилки». Сформировали комиссию, составляли списки избирателей, но в этом участвовали лишь республиканские партии. Выбор предоставлялся исключительно между ними. Идею монархии заранее похоронили, и функции Учредительного собрания подменили. Теперь подразумевалось, что оно всего лишь узаконит перемены в России и создаст новый парламент. Отметим, что именно такие установки следовали из политики президента США Вудро Вильсона: ни в коем случае не допустить реставрации российского самодержавия. Да и с позицией международных финансово-политических элит все происходящее хорошо совпадало. Огромная и богатая Россия выбывала из числа конкурентов, превращалась в трофей, объект для раздела и освоения иностранными компаниями.

Демократическим моделям смен правления не суждено было реализоваться, в стране сошла на нет последняя инерция стабильности, всякие препятствия на пути революционеров оказались устранены. Страна необратимо и стремительно покатилась в хаос. С «корниловского мятежа» начался один из самых страшных и кровавых эпизодов русской истории.

Ф. Дзержинский. 1925

Щит и меч Железного Феликса

Валерий Хмельницкий

О нем даже недруги отзывались с уважением. Например, монархист, белогвардейский разведчик Владимир Орлов, близко знавший Дзержинского, описывает главу ВЧК как рыцаря идеи, отмечает его ум, профессионализм, высочайшую честность. Что ж, такая оценка со стороны врага дорогого стоит. Железный Феликс был, конечно же, далеко не безгрешен, и те, кто утверждает, что его легендарные чистые руки обагрились кровью, несомненно, правы. Однако нельзя не отметить, что на фоне целого ряда ненавистников России, пришедших к власти после Октября, он выглядел едва ли не образцом благородства и великодержавного патриотизма. 11 сентября со дня рождения Феликса Дзержинского исполнится 140 лет.

СОЗДАВАТЬ органы ЧК ему довелось в чрезвычайно сложной обстановке: в большевистском руководстве боролись между собой две линии. Одну представлял Ленин, который тактически балансировал между враждовавшими лагерями Антанты и Германии. Другую — Троцкий, тесно связанный с США и Англией. Дзержинскому тоже приходилось лавировать. В Москве всю деятельность немецкая разведка, после Брестского мира якобы дружественная. Английские и американские шпионы были вхожи в кабинеты Троцкого, Бонч-Бруевичей, контактировали со Свердловым через его родственников.

Заместителем к Дзержинскому приставили Якова Петерса, прежде жившего в Англии, возглавлявшего там гангстерскую банду. После перестрелок, в которых погибли несколько полицейских, тот был арестован, но... вскоре освобожден, несмотря на доказательства вины. Женился на дочери банкира Мэй Фримен, работал в компании одного из влиятельнейших людей Альбиона. Исследователи полагают, что причина столь снисходительного отношения к вчерашнему преступнику была простой — вербовка британской разведкой. Подтверждением послужили события лета 1918-го. Советник германского посольства Рицлер сообщил информацию для Дзержинского: англичане готовят покушение на посла Мирбаха. Председатель ВЧК поручил проверку Петерсу, но последний успокоил: ничего серьезного. 6 июля случился «левоэсеровский мятеж», Мирбаха убили. Сейчас известно, что теракт организовал капитан британской разведывательной службы «Интеллидженс сервис» и советник Троцкого Джордж Хилл. Исполнителем являлся Яков Блюмкин, будущий начальник охраны Льва Давидовича. А режиссером самого «мятежа» выступил Свердлов. Руководство

партии левых эсеров ни о каком «восстании» не знало, спокойно отправилось на Съезд Советов и было арестовано.

Подставили и Дзержинского: его отстранили от исполнения обязанностей, а сменщиком стал все тот же Петерс. И мгновенно все «сошлось». Следствие длилось сутки, установило, что «мятеж» и убийство посла организовал ЦК левых эсеров. Уже на следующий день 13 обвиняемых расстреляли без суда, оборвав нити к дальнейшему разбирательству.

Свердлов устранил из органов власти конкурирующую партию. Англичане же почти поссорили большевиков с немцами. Но Ленин, оценив интервенцию Антанты в Сибири и на Севере, повернул в другую сторону — к установлению союза с Германией. В Берлине начались секретные переговоры. Конечно, через Троцкого и его окружение о них стало известно западным разведкам. Но и структуры Дзержинского действовали все более умело. Он внедрил в сети «Интеллидженс сервис» нескольких подставных агентов. Им доверяли, делились планами, информировали о том, что готовится переворот. И главным пунктом значилось устранение Ленина.

27 августа 1918 года договор о союзе с Германией был подписан. А через три дня на заводе Михельсона прозвучали выстрелы... Для этого выбрали удобный момент: глава ВЧК выехал в Питер расследовать убийство Урицкого. Петерс и Свердлов сразу нашли виновную, случайно попавшуюся на улице полуслепую Каплан. Ее увезли с Лубянки в Кремль, где она якобы во всем призналась. Затем была расстреляна, труп ее сожгли, исключив возможность опознания.

Но у Дзержинского были другие сведения. Его сотрудники вскрыли обширную сеть западных разведок, а после покушения на Ленина глава ВЧК дал команду начать аресты. В Петрограде только в здании британского посольства захватили более 40 человек. Резидент, капитан Кроми, отстреливался и был убит. В Москве задержали британского консула Локкарта, французского консула Гренара и генерала Лаверня, десятки их агентов. Кто планировался на смену Ленину? Очевидно, Троцкий, готовый во всем сотрудничать с Антантой и даже предлагавший отдать под контроль американцев Транссибирскую магистраль. Удар, нанесенный Железным Феликсом, предотвратил такой поворот событий, обезгла-

Ф. Дзержинский среди ответственных работников ВЧК. 1919

ФОТО: РИА НОВОСТИ

вил и парализовал заговор. Правда, раскрыть его до конца не удалось. После ранения Ленина власть перехватил Свердлов, поспешивший увезти вождя на отдых в Горки. Здоровьем Дзержинского он тоже почему-то сильно озаботился — отправил в отпуск, к семье, в Швейцарию. Заместил его снова Петерс. Оба расследования — о покушении на Ленина и заговоре послов — поручили Кингисеппу, доверенному Свердлову (он же занимался смертью Мирбаха). Попытку убийства вождя списали на Каплан. А в «деле Локкарта» показания о подготовке покушения оставили без внимания. Большинство арестованных вообще освободили, признав улики недостаточными. В то же время, в отсутствие

Феликса Эдмундовича, Свердлов и Петерс провели реорганизацию органов ЧК, уволив многих сотрудников. Вместо них набирали латышей. Кроме того, для губернских чекистов установили двойное подчинение. С одной стороны — центральной ВЧК, с другой — местным Советам, то есть опять же Свердлову, председателю ВЦИК. И именно эта реформа превратила «чрезвычайку» в орудие расплескавшегося красного террора.

Дзержинский не был наивным простаком. Вскоре после его возвращения попадает в негласную опалу Свердлов, которого отсылают из Москвы то в одну, то в другую командировку, пока загадочное столкновение с рабочими в Орле не сводит его в могилу. Петерс тоже

лишается места заместителя председателя ВЧК, получает назначения подальше от столицы. Полномасштабные чистки органов удалось провести позже, в 1923–1924 годах, когда из ОГПУ изгоняли троцкистов: к слову, многие из них попали в места заключения за уголовные преступления.

Высочайшая работоспособность и самоотдача Дзержинского оказались востребованы: его направляли туда, где было особенно худо. Например, на пост наркома путей сообщения — восстанавливать транспорт. Или спасать миллионы детей, оставшихся безпризорными после Гражданской войны и голода.

Погиб он на своем посту. В июле 1926-го на пленуме ЦК партии разразилась схватка с Пятаковым и

ФОТО: УИТАР-ТАСС

Каменевым. Дзержинский, будучи уже председателем ВСНХ, выступил против них. Ему затыкали рот выкриками, Каменев бросил язвительный упрек: он-де «45 миллионов рублей напрасно засадил в металлопромышленность». Феликс Эдмундович, обычно сдержанный, побледнел и вдруг произнес: лидеров оппозиции нужно просто расстрелять. Ему запальчиво крикнули в ответ: «Это вас нужно расстрелять!» Но он твердо добавил: «Я вам докажу, что добьемся своего...»

Его реакция на обвинение и уверенное «докажу» показательны. Он отлично знал, что противники, те же Троцкий, Каменев, участвовали в разворовывании и переправке за рубеж колоссальных ценностей. В

Последовательно возглавляя ВЧК-ГПУ-НКВД Советской России, главный чекист с начала 1921 года руководил Комиссией по улучшению жизни детей, созданной по его личной инициативе. После Гражданской войны в полуразрушенной стране, в крайне тяжелых условиях проживали, а точнее, как-то выживали порядка 5 миллионов беспризорников.

В прежнюю эпоху, освещая тему «Дзержинский и дети», пропагандисты нередко цитировали программное высказывание Феликса Эдмундовича: «Надо воспитывать в детях любовь к людям... а для этого самим родителям надо любить людей. Ребенок умеет любить того, кто его любит, и его можно воспитывать только любовью. Страх не научит детей отличать добро от зла; кто боится боли, тот всегда поддастся злу. Любовь проникает в душу, делает ее сильной, доброй, отзывчивой, а страх, боль и стыд лишь уродуют ее».

В 1919–1923 годы Дзержинский занимал пост наркома путей сообщения, а с февраля 1924-го по июль 1926-го исполнял обязанности председателя Высшего совета народного хозяйства СССР.

курсе был и Сталин. Но о таких вещах приходилось умалчивать. Покарать высокопоставленных преступников Дзержинскому было не

суждено. На том заседании он перенервничал и, придя домой, скоропостижно скончался от сердечного приступа. Или... не от приступа?

Площадь Дзержинского в Москве. 1959

Н. ГОНЧАРОВА. «ЕВАНГЕЛИСТЫ». ТЕТРАПТИХ. 1911

Человек соборный

Олег Ермишин, доктор философских наук

Яркий публицист, участник знаменитых сборников «Вехи» и «Из глубины», исследователь, сочетавший глубоко научный стиль с религиозно-философской интуицией, Семен Франк занял особое место в истории русской мысли. Творческий путь он начал с размышлений об этике Ницше, продолжил оригинальной диссертацией «Предмет знания» и работой «Душа человека», а завершил на закате дней фундаментальными трудами «Непостижимое», «Реальность и человек», в которых его идеи достигли наиболее ясного и полного интеллектуального воплощения. Труды автора целостной, всеобъемлющей системы философского знания стали не только предметом для изысканий, постоянно ведущихся как в России, так и за рубежом, но и очень важной частью русской культуры.

СЕМЕН Франк родился 28 (16) января 1877 года в Москве. Когда ему было пять лет, умер от лейкемии отец. Мать во второй раз вышла замуж, и семья переехала в Нижний Новгород, где юноша окончил гимназию: в это время он, заинтересовавшись политической экономией и вопросами социализма, пишет первую серьезную работу — «Теория ценности Маркса и ее значение». В 1898-м будущий философ завершает обучение на юрфаке Московского университета, но сдача государственных экзаменов откладывается. В 1899-м Франку предстоит арест и высылка из Москвы.

А. ПЯТИКОП. «ФИЛОСОФ СЕМЕН ФРАНК». 2012

Он едет в Германию, где слушает лекции в Берлинском университете. В 1901-м возвращается в Россию и сдает госэкзамены об окончании университета. Следующей зимой зачитывается популярной книгой Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», а вместе с тем — Евангелием, намечает собственные мировоззренческие ориентиры. О рождении его как мыслителя свидетельствует запись в дневнике 1902 года: «Составил краткий конспект системы. Она грандиозна». Вся дальнейшая деятельность Франка — непрерывное стремление осуществить этот план.

С 1905-го живет в Петербурге, редактирует — вместе с Петром Струве — еженедельник «Полярная звезда», затем — журнал «Свобода и культура», сотрудничает с журналами «Новый путь», «Вопросы жизни», «Русская мысль». В 1910-м выпускает свой первый сборник «Философия и жизнь», преподает на Высших женских курсах (двумя годами ранее он женился и сделал окончательный выбор в пользу научной работы и профессуры). В 1912-м становится приват-доцентом Петербургского университета. Тогда же Семен Людвигович принимает православие, его духовным отцом ста-

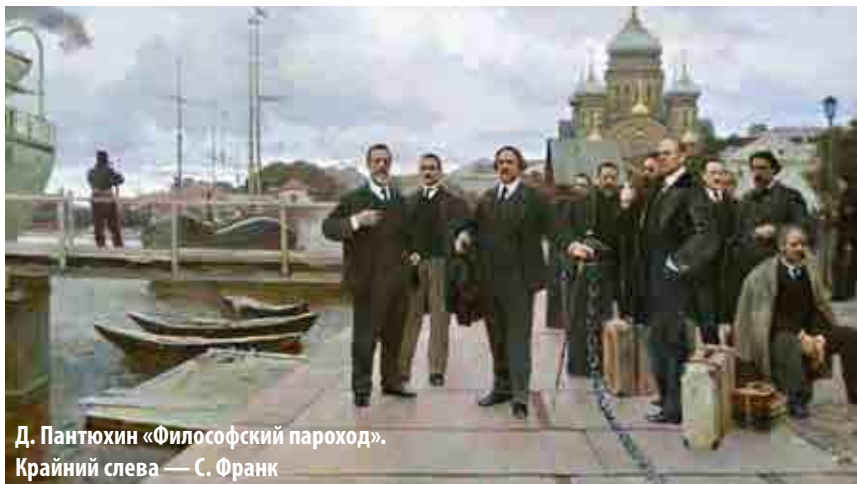
новится известный священник Константин Аггеев. Размеренная университетская жизнь прерывается революцией, и летом 1917-го Франк переезжает в Саратов. Там он соглашается на должность профессора недавно открытого университета. Время революционных бурь и Гражданской войны проводит в глубинке и только в 1921-м возвращается в Москву, где ему суждено прожить лишь год, до высылки на знаменитом «философском пароходе».

Период эмиграции оказывается невероятно плодотворным. Одна за другой выходят книги и брошюры «Живое знание», «Крушение кумиров», «Религия и на-

ука», «Смысл жизни», «Основы марксизма»... Заканчивается этот творческий этап, пришедшийся на 1920-е, изданием давно задуманной работы о социальной философии — «Духовные основы общества» (1930). В предисловии автор пишет: «Книга эта есть результат и многолетнего, начатого еще в первой молодости изучения обществоведения, и общих религиозно-философских достижений, и того поучительного своей трагичностью жизненного опыта, который все мы, русские люди, имели за последнее десятилетие».

Выход труда предваряла статья «Я и мы» (1925), рассматривающая проблему противоборствующих понятий индивидуального и коллективного. По мнению Франка, общество — не объединение индивидов, а олицетворение глубокого, неявного на первый взгляд, всеединства, которое проявляется в соединении каждого «я» с первичной общностью «мы». В «Духовных основах общества» предложена последовательная концепция, представляющая собой «попытку увидеть очертания общественной реальности в ее подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности».

Франк доказывает: есть истинный идеал общества, основанный на вечных, неизменных правилах человеческого существования. Мыслитель предлагает выявить и

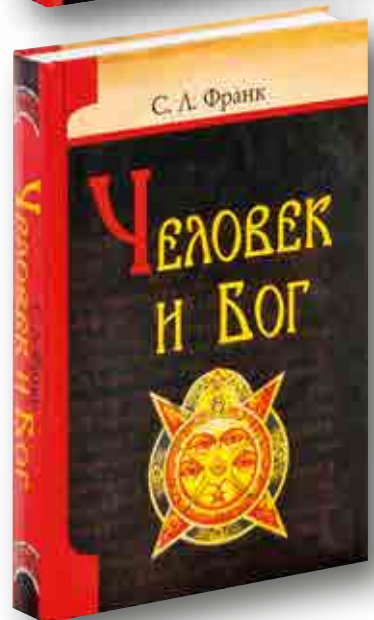

Д. Пантюхин «Философский пароход». Крайний слева — С. Франк

как можно четче сформулировать эти законы. С одной стороны, у каждого есть своя, отдельная душа, с другой, индивидуум связан с социумом. При этом «внешняя общность» отличается от внутреннего, органического единства людей, называемого соборностью: ее первичная форма — семья. Следующий уровень — религиозная жизнь. Далее — общность судьбы всякого крупного объединения людей (прежде всего народов и государств). Соборность обеспечивает неразрывное единство между «мы» и духовной основой человека, является объективной реальностью, даже несмотря на то, что внешние противоречия между личным и общественным проявляются повсюду. Эту дисгармонию мы преодолеем тогда, когда поймем, что роду людскому изначально присуще (уготовано свыше) единое, целостное общественное бытие.

Духовные основы позволяют разрешить противоречия, имеющиеся в материальной и психической областях жизни. Человек — не только и не столько разумное существо живой природы, сколько Божие творение. Обладает нравственным началом, проистекающим от его отношения к высшему, религиозному бытию. Соборность и общность в религиозном аспекте — это церковь и мир, и они органично взаимодействуют. Поэтому личность в социальной жизни часто является проводником божественной воли. Ее жизнь пронизана свободой, а та, в свою очередь, — очевидный признак духовности.

Франк негативно относился к любым формам деспотии, которая в своем отрицании свобод искажает духовную природу человечества — сложнейшей функциональной системы, устроенной по принципу иерархии, но уравнивающей всех и каждого перед высшей истиной. Противоречия между «я» и «мы» неизбежны: общество обычно вы-

ступает носителем традиции, личность же — источник энергии, направленной на изменения, новые формы творчества. Идеал социального устройства — гармония между традицией и творческой индивидуальностью.

«Мы» — воплощение солидарности, «я» — свободы, а в результате народ зачастую раздирают устремления к двум крайностям — деспотизму и анархии. Личность и общество объединены нравственными обязанностями, служением религиозной истине. Первая обладает свободой, но добровольно ограничивает себя, считаясь с принятыми нормами. «Я с Богом» непротиворечиво сочетается с «мы», то есть социальные антагонизмы можно разрешить через понимание того, что единое, здоровое общество строится на духовном, религиозном фундаменте.

Франк утверждал, что образцового общественного порядка не существует. Есть только вечные начала жизни, которым необходимо следовать. Государственная система должна обеспечивать свободное развитие, содействовать духовному росту общества, раскрытию его внутреннего потенциала. Смысл власти заключается не в авторитарном принуждении, а в том, чтобы планомерно создавать единство общественной воли.

После прихода к власти нацистов и закрытия Русского научного института, в котором преподавал Семен Людвигович, оставаться в Германии было нельзя. В 1937-м он переезжает во Францию, через два года издает в Париже «Непостижимое». Во время Второй мировой войны пишет книги «С нами Бог» и «Свет во тьме», в 1945-м получает разрешение на выезд к дочери в Англию, где пребывает до конца дней в предместье Лондона (умер в декабре 1950-го). В 1949 году заканчивает свой последний труд «Реальность

и человек», посвященный философской сущности человечества. Именно в метафизике получает завершение его научная система: «Предмет знания» (учение о знании) — «Душа человека» (учение о человеке) — «Духовные основы общества» (социальная философия) — «Непостижимое» (философия религии) — «Свет во тьме» (этика) — «Реальность и человек» (метафизика).

Размышления Франка были сосредоточены, прежде всего, на сущности человека, его личностных качествах, проявлениях во всех сферах жизни — общественной, религиозной, этической, эстетической. В работе «С нами Бог» он писал: «Личность есть непостижимое, сверхрациональное, ни в какие внешние рамки не укладывающееся, свободно-спонтанное существо человека — тот глубочайший корень души, который сам человек сознает как некую абсолютно ценную, несказанную и непередаваемую тайну и подлинную реальность своего «я».

Эта тема развернута в сочинении «Реальность и человек», где философ доказывает, что наш внутренний мир — совершенно особая сфера, что существуют окружающая действительность и превосходящая ее реальность бытия. Человек обладает бездонной глубиной своего «я», живет духовной жизнью, отличной от поверхностного слоя жизни душевной. Однако и душа отнюдь не локализована пределами физического тела.

В человеке сочетаются ограниченность и безграничность, открытость миру и «укорененность в реальности», его бытие протекает и «вовне», и «внутри», с миром его соединяет множество невидимых связей: общение, нравственный и эстетический опыт, с помощью которых личность выходит за свои прежние рамки-пределы, проявляет созидательную актив-

Конечная победа будет скорее неожиданной и внезапной, следуя за кажущимся поражением Божьих сил в разнуздании сил зла и хаоса. Эта победа уже совершилась в метафизических глубинах бытия и лишь должна принести плоды, открыться в плане эмпирическом. «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»

ность. Реальность — не что иное, как живой творческий процесс, связующая ступень между Богом и земной действительностью.

Неполноценность внутреннего мира приводит к поиску того, что верующие люди называют бла-

годатью Божией. Устремляясь к высшему идеалу, индивид пусть с трудом, но преодолевает субъективность, врожденный и приобретенный эгоизм. Он становится сопричастен творческой природе Бога. Человеческое существование во многом трагично, однако не беспросветно. В последней главе книги «Реальность и человек» Семен Франк эту мысль формулирует так:

«Христианское сознание справедливо предполагает, что... конечная победа будет скорее неожиданной и внезапной, следуя за кажущимся поражением Божьих сил в разнуздании сил зла и хаоса. Не только творению и человеку в нем, но и самому Богу-Творцу сужден тяжкий, страдальческий путь, ведущий к этому конечному торжеству. Ибо в пути мирового бытия к совершенству через трагическое борение соучаствует сам Бог. Но именно это соучастие одновременно гарантирует конечную победу... Эта победа уже совершилась в метафизических глубинах бытия и лишь должна принести плоды, открыться в плане эмпирическом. «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

В. КАНДИНСКИЙ, «РОК КУПОЛА», 1909

Кто убил Луизу Деманш?

РИСУНОК: М. ЗИЧИ

Валерий Бурт

В русскую словесность он вошел почти случайно, но при этом — не робея, вполне уверенным шагом. Автор, никогда прежде не мучивший себя литературными упражнениями, неожиданно написал сильную пьесу под названием «Свадьба Кречинского». Через несколько лет — следующую, «Дело», а со временем — еще одну, «Смерть Тарелкина». Александр Сухово-Кобылин, со дня рождения которого в сентябре исполнится ровно двести лет, с головой окунулся в творчество не прихоти и не корысти ради, но волею трагических обстоятельств, находясь в тюрьме. А было бы все гладко в его жизни, то, верно, и не довелось бы нам узнать, насколько он даровит.

Черная карета

В середине XIX столетия его появление на публике бывало тотчас замечено. Любопытные взоры утыкались в высокую, плотную фигуру, и тут же слышался шелест голосов: «Неужто он, господа?», «Да-да, тот самый, что любовницу порешил».

...7 ноября 1850 года (ст. ст.) из квартиры дома Гудовича в Брюсовом переулке в десятом часу вечера вышла Луиза Симон-Деманш. Уходя, она наказала слугам свечей не гасить: мол, скоро вернусь. Через два дня ее обезображенное тело нашли за Пресненской заставой на заснеженном Ходынском поле.

Первым под подозрение попал помещик Сухово-Кобылин, возлюбленный Луизы. Возле его особняка на Страстном бульваре собиралась толпа, из которой доносились истошные крики: «Здесь живет убийца!» Так же решили тогда и следователи.

У подозреваемого прошел тщательный обыск, были изъяты бумаги и письма Деманш. Спустя несколько дней к его особняку подкатила черная карета, запряженная вороньими. Двое полицейских и четверо вооруженных солдат вошли в дом и вскоре вывели оттуда хозяина, связанного, без шапки, с заломленными руками.

«Немедленно был я заперт в секретный чулан Тверского частного дома, обстены с ворами, пьяною чернюю и безнравственными женщинами, оглашавшими жуткими криками здание частной тюрьмы» — это строки из письма Николаю I.

Судьба Сухово-Кобылина стоит того, чтобы написать о ней роман, в котором будут сплетены воедино детектив и любовная драма.

Жизнь без счастья

Потомок московского боярина Андрея Кобылы, родоначальника множества именитых родов, включая царскую фамилию Романовых, крестник Александра I, он имел огромное состояние, владел чугуноплавильными заводами в Выксе, имениями в пяти губерниях (Тульской, Нижегородской, Владимирской, Московской и Тверской) с тысячами крепостных. Человеком слыл весьма образованным, дружил с Герценом и Огаревым,

с Константином Аксаковым, был вхож в кружок Николая Станкевича.

На портрете Василия Тропинина Александр Васильевич изображен тридцатилетним: смуглолиц, в глазах — независимость, признаки сильной воли, черные смоляные волосы зачесаны назад, большие усы на концах заострены.

По свидетельствам современников, Сухово-Кобылин и с годами не утратил стать. «Я свое здоровье берег с тех пор, как однажды почувствовал, что силы оставляют меня, — подтверждает и он сам. — Это случилось в Москве, когда в моей жизни разыгралась ужасная драма».

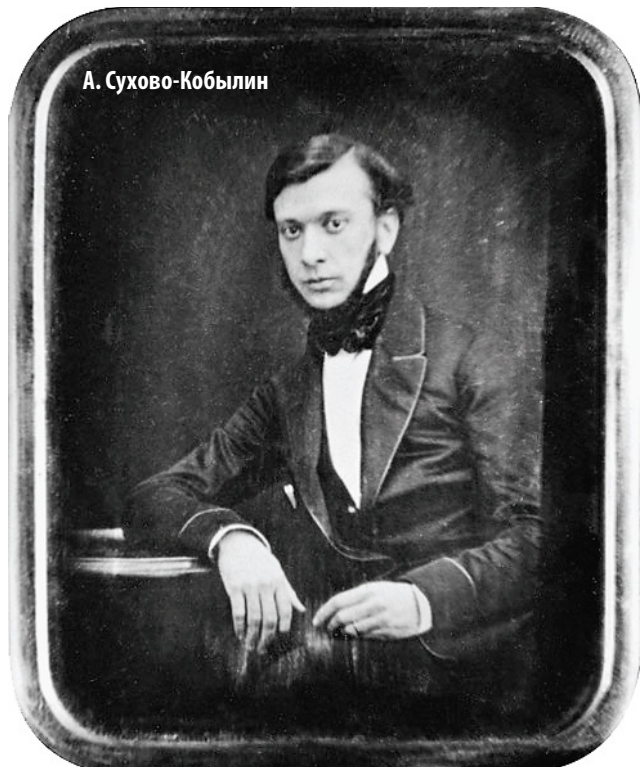
Вставал на рассвете, занимался шведской гимнастикой, обливался холодной водой, купался в студеной реке. Не пил вина, не баловался табаком. Был убежденным вегетарианцем и при этом — завсегдатаем московских балов, пикников, любимцем женщин и грозой мужчин. Его острого, как бритва, языка, опасались многие вельможи и даже всеильный московский генерал-губернатор Арсений Закревский.

Увлекался этот богач-сибарит, что называется, всюю. В том числе — лошадьми. Выиграл несколько состязаний, к примеру, «Большой приз для благородных ездоков-охотников». Князь Дмитрий Оболенский в «Охотничьих воспоминаниях и набросках» писал: «На Щеголе скакал в 1843 году на приз охотников А. Сухово-Кобылин, почему он считается первым джентльменом, выигравшим приз в Москве. Он обскакал на Щеголе Мосолова и Демидова».

Л. Симон-Деманш

А. Сухово-Кобылин

Другой страстью были карты. Играл не только на сотенные и тысячные банкноты, но и на целые вотчины. Между прочим, безудержный азарт помог ему расширить собственные владения. Сухово-Кобылин выиграл у соседа, графа, деревню Захлебовку в Тульской губернии, находившуюся рядом с Кобылинкой, его родовым поместьем.

Даже достигнув признания у читателей и критиков, писателем себя тем не менее считать не стал: «Я помещик, дворянин, владделец водочного завода — все что хотите, но только не литератор. Я написал свои пьесы не для литературы, а скорее всего для самого себя, вот, быть может, отчего их нельзя встретить ни в одном учебнике».

Непререкаемых авторитетов среди сочинителей для него не существовало: Льва Толстого он не понимал, Тургенева не признавал, Островский его раздражал. Впрочем, книги Гоголя и Салтыкова-Щедрина у «помещика, дворянина, владельца водочного завода» всегда были под рукой.

Жил он долго, но не слишком счастливо, хотя и бросался, как в омут, в одно романтическое приключение за другим. И любимых женщин одну за другой терял. Раз и навсегда оказался жестоко наказан «Великим Слепцом Судьбой» — по его выражению.

В золотой клетке

С Луизой — ей тогда было немногим более 20 лет от роду — он познакомился когда-то в Париже. Подошел к ней в ресторане, разговорился. Мысль завести роман на тот момент уже мелькнула — француженка была обворожительна. Она как будто сразу поняла намерения нового знакомого и тоже не возражала против совместного

Дом графа Гудовича в Брюсовом переулке, где проживала Л. Симон-Деманш

Портрет Н. Нарышкиной. 1864

приятного времяпрепровождения. Поначалу говорили о делах. Луиза жаловалась, что никак не найдет себе подходящую работу. Александр Васильевич мигом востепенулся: «Приезжайте-ка в Россию. Я хорошо знаю портниху Андрие — первую мастерицу в Петербурге. Если желаете, напишу вам рекомендательное письмо. Она вас пристроит».

Деманш, разумеется, пожелала. Прошел год, он, похоже, и думать о ней забыл. Но однажды, заглянув в петербургский магазин той самой Андрие, вновь встретил красавицу Луизу — благодаря его рекомендации она получила там место. Вечером отправились в ресторан, чтобы отметить встречу. И тут же за бокалом шампанского все решили на будущее. Он увез ее в Москву, снял роскошную квартиру, обеспечил большими деньгами, предоставил горничных, повара, кучера. Так вмиг она стала богата. Казалось, и счастье уже совсем где-то рядом...

С Луизой Сухово-Кобылин в свет не выходил, избегал сплетен. Лишь приезжал к ней ненадолго. Она посылала ему записки, часто грустные, порой пронзительные. У француженки не было ни малей-

шей надежды на то, что любовник станет супругом. Обвенчаться с ней он не мог: представительница низшего сословия ему, знатному дворянину, была, как видно, не чета.

Тянулись годы. Несчастливая женщина, запертая в золотой клетке, тосковала, ревновала. Сухово-Кобылин, не зная, что делать дальше, все сильнее нервничал, порой даже неистовствовал. Бросить Луизу — бесчестно, оставаться с ней — тягостно. Словом, тупик.

Позже, из тюрьмы, он станет писать прошения в различные инстанции, отправит послание министру юстиции графу Виктору Панину, стремясь доказать, что не совершал преступления. Полицейские же будут старательно искать улики, чтобы подкрепить обвинение в душегубстве.

Смерть без ответа

Расследование и судебные тяжбы длились очень долго. Сначала Сухово-Кобылин был главным обвиняемым, потом картина переменялась — его слуги признались в убийстве иностранки.

Через некоторое время — новый поворот: дворовые отказываются от своих показаний, заявив, что на допросе их пытали. Зловещая тень снова падает на Сухово-Кобылина, и уже кажется, что столбового дворянина, одетого в серый арестант-

ский халат, закованного в кандалы, повезут по Владимирке.

Спустя много лет он вспоминал: «Накануне каторги я был. И не будь у меня связей да денег, давно бы я сгнил где-нибудь в Сибири». Что правда, то правда: взятки пришлось давать немалые. На склоне жизни Александр Васильевич расскажет, что как-то «подарил» одному важному чиновнику десять тысяч целковых. Это не просто громадные, а прямо-таки фантастические деньги. Причем он вручил не толстую пачку купюр, а один кредитный билет, отпечатанный на тончайшей бумаге. Таковые были в ходу и словно предназначались для вознаграждения за тайные, постыдные услуги. Бюрократ обещал посодействовать, но оказалось, что взятка дана напрасно — судебное дело двигалось в худшую сторону. Разгневанный Сухово-Кобылин ворвался в кабинет обманщика, грозя немедленным разоблачением. А тот ничуть не смутился, достал бумажку, поглядел на нее с сожалением — сколько добра пропадает! — сложил вчетверо и проглотил. После чего немедленно обрел важность и холодно произнес: «А теперь ступайте, иначе я велю вас вывести».

В тюрьме от Сухово-Кобылина добивались чистосердечного признания. В отчаянии арестованный писал царю: «Всемиловитейший Государь! Вся моя надежда, вся твердость заключилась ныне в непоколебимой вере в Вас, в Ваше Правосудие и милость, в веру, которую Правосудный Бог воплотил в моем сердце, как единственную, но твердую защиту против клеветы людей и противузакония тех из них, которые облечены Властью».

Через семь лет после начала следствия уголовное дело было, наконец, закрыто. Будь на месте Сухово-Кобылина другой, менее состоятельный и влиятельный человек, осудили бы его всенепременно.

И все же навсегда остался безответным вопрос: убивал или не убивал? И если да, своими руками

или подговорил кого-то? А если нет, то кто это сделал, как минимум — организовал? И поныне, спустя вот уже полтора с лишним века, на этот счет спорят все, кому творчество замечательного драматурга небезразлично. Одни полагают, что такой талант и подобное злодейство — две вещи несовместные, другие апеллируют к логике и совокупности как бы уличающих писателя фактов. Косвенных улик действительно много, хотя, с другой стороны, все они не настолько доказательны, чтобы противостоят презумпции невиновности.

Именем жертвы

Перед гибелью Луизы Деманш, взбудоражившей всю Москву, в свете поговаривали: к французенке Сухово-Кобылин совершенно охладел, нашел новую возлюбленную. Ею оказалась Надежда Нарышкина, женщина обаятельная и грациозная, и была она замужем.

Кто расправился с несчастной иностранкой, повторимся, доподлинно неизвестно. Однако виновник этой смерти — пусть, возможно, и невольный — все же очевиден...

Мораль истории совершенно незамысловата. Можно, наверное, походя сослаться на сентенцию Глеба Жеглова: «Запомни, Шаропов. Наказания без вины не бывает. Ему надо было просто вовремя со своими женщинами разбираться». А можно обратиться к куда более серьезному арбитру — Декалогу, к актуальным доселе заповедям. И даже не беря — за недоказанностью — во внимание ту, которая говорит «Не убий», вспомним следующие по списку: «Не прелюбодействуй», «Не желай жены ближнего твоего». Впрочем, справедливы в этом контексте и новозаветные слова: пусть первым бросит камень тот, кто без греха.

...В роковой вечер он отправился на бал к Нарышкиной, не сказав об этом, само собой, Луизе. Но та прознала и побрела к дому соперницы. Остановилась перед ярко осве-

щенными окнами, зябко кутаясь в шубу, испытывая гнев, ревность, отчаяние.

Разлучница увидела ее сквозь стекло, злорадно усмехнулась и подзвала к окну Александра Васильевича, затем прильнула к нему и жарко поцеловала в губы — на глазах Луизы. Когда Нарышкина снова выглянула на улицу, там уже никого не было. Деманш исчезла. Навсегда.

В ее последней записке к нему были такие слова: «Заезжайте ко мне сегодня вечером, хоть на четверть часа... Я, может быть, беспечною Вас в последний раз... Вероятно, Вы уже скоро не услышите обо мне в Москве».

После гибели Луизы Нарышкина уехала за границу. Не развлекаться и красоваться, а, во-первых, потому, что ждала ребенка, во-вторых, скрывалась от скандала, слухов, всеобщей укоризны и... следствия.

В Париже родила малышку, отцом которой был Александр Сухово-Кобылин. Есть основания полагать, что эта дама горько сожалела о поступках, которые, возможно, стали для трагедии поводом. Не потому ли назвала новорожденную Луизой?

Он после этого дважды женился и столько же раз вдовел. Тень погибшей неотлучно стояла за спиной и словно шептала: «Не я — значит, никто».

Часто ездил на Введенское кладбище в Лефортово. Закрыв глаза, прислонялся лбом к холодному мрамору, на котором было высечено: «A la chere et triste memoire de Louise Elisabeth Simon, nee le 1 Avril 1819 — le 7 Novembre 1850» — «Дорогой и печальной памяти Луизы Элизабет Симон, рожденной 1 апреля 1819, умершей 7 ноября 1850».

На склоне лет переехал во Францию — в уединенный уголок Больесюр-Мер, недалеко от Ниццы. Там, в провинциальной глуши, коротал время с Луизой-дочкой, вспоминая день ото дня ее убиенную тезку.

Великие реалисты

«Екатерина II
в Царскосельском парке».
1794

Барышни-крестьянки

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Ксения Воротынцева

История становления русской живописи до сих пор скрывает немало тайн. Что мы знаем, например, о Федоре Рокотове? Ни точной даты рождения, ни ясных сведений о происхождении, да и по части атрибуции, как показала выставка в Третьяковке, имеются разногласия: коронационные портреты Екатерины II из ГТГ и Павловска признали выполненными не им самим, а его учениками. В этом смысле куда больше повезло Владимиру Боровиковскому: огромное наследие — около 300 картин, сохранившиеся записные книжки, свидетельства современников. Однако его творчество знакомо широкой публике недостаточно хорошо, и круглая дата — 260 лет со дня рождения — прекрасный повод вновь поговорить о мастере.

ОН ИЗВЕСТЕН, прежде всего, как светский художник. Самая знаменитая его работа — портрет рано умершей красавицы Марии Лопухиной (1797). Нежный поэтический образ дополнен национальными мотивами: за спиной героини видны березки, васильки, колосья ржи. Это не случайность. Боровиковский жил в переломное время, когда отечественное искусство складывалось как особое явление, а само государство постепенно превращалось в национальное. Живописец, ощущавший эти изменения, исповедовал идеалы сентиментализма в отличие от его предшественника Рокотова, работавшего на стыке рококо и классицизма.

На рубеже XVIII–XIX веков душа, мечтательная, мятущаяся, подверженная ошибкам, вышла на первый план, вытеснив разум, ранее управлявший всеми сторонами бытия. Карамзинская «Бедная Лиза» стала книгой поколения, и ее влияние на работу Боровиковского «Лизонька и Дашенька» (1794) кажется очевидным. Художник изобразил двух крепостных своего друга Николая Львова, хорошеньких плясуний, воплотивших тип чувствительных девушек той эпохи. Ничто не выдает простого происхождения героинь. Их лица нежны, платья изысканны. Причем подобная идеализация не выглядит фальшивой или чересчур слащавой — как человек своего века мастер верил в самоценность личности.

Хождение в народ было продолжено «Портретом торжковской крестьянки Христины» (1795): здесь автор поставил модели родной наряд — сарафан, причудливый головной убор. Прекрасный чистый

«Лизонька и Дашенька». 1794

облик девушки свидетельствует о желании живописца увидеть и показать в народе самое лучшее. Недаром Боровиковский стал учителем Алексея Венецианова, создавшего впечатляющую галерею простых людей и окончательно легитимировавшего эту тему в русском искусстве.

Одну из важнейших картин — портрет Екатерины II на прогулке в Царскосельском парке (1794) — Владимир Лукич также написал в сентиментальном, подчеркнуто непарадном ключе, чем, по слухам, вызвал недовольство тщеславной императрицы. Полотно создавалось не на заказ. Инициатива принадлежала Львову и его друзьям, желавшим укрепить позиции художника. В определенной мере это удалось, хотя эффект оказался не столь впечатляющим — произведение позволило уроженцу Миргорода получить звание «назначенного в академики».

Академиком же он стал через год, после того как закончил рисовать великого князя Константина Павловича.

Мастер выполнял и парадные портреты, которые выглядели более человечными и живыми, чем работы предшественников. Считалось, что он, как никто другой, умел передать внешнее сходство и в то же время показать внутреннюю красоту. Кроме того, за каждой картиной нередко скрывалась любопытная история. Скажем, Лопухина была родной сестрой известного дебошира, авантюриста и смутьяна Федора Толстого, прозванного «Американцем» за опасное путешествие на Аляску. Героиня другой работы, прекрасная Елена Нарышкина (1799), также являлась источником

«Портрет торжковской крестьянки Христины». 1795

«Христос во гробе». 1810-е —
первая половина 1820-х гг.

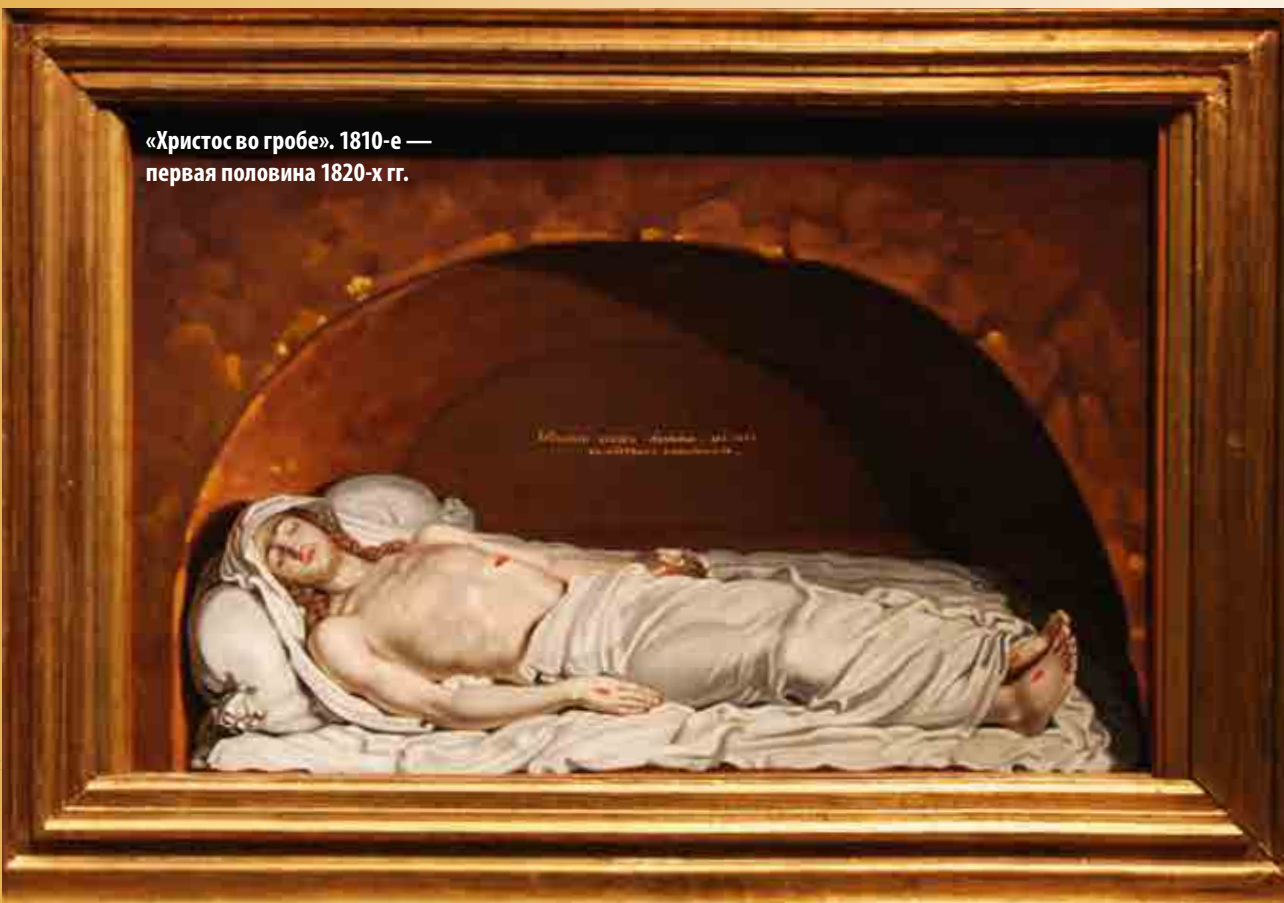

ФОТО: ИГОРЬ КУБЕДИНОВ/ТАСС

сплетен и пересудов. Рано вышедшая замуж за сына полководца Суворова, она быстро разочаровалась в семейной жизни и с удовольствием принимала ухаживания поклонников. После гибели молодого супруга в Русско-турецкой войне веселилась в блестящей Вене, отдыхала на немецких курортах, посещала Рим, где очарованный Россини посвятил ей кантату, включенную затем в оперу «Севильский цирюльник». В почти сорокалетнем возрасте Нарышкина приняла предложение руки и сердца от 30-летнего князя Василия Голицына, чем вновь вызвала переполох в обществе. Однако затем утомилась, оставшуюся часть жизни провела в тишине и спокойствии на юге России, в основном в крымском имении мужа.

«Несветская» ипостась Боровиковского известна куда меньше. Происходивший из рода иконописцев, он начинал с религиозных тем, писал образа для миргородских храмов. К сожалению, из ранних работ уцелело немного. Те редкие вещи, что дошли до наших дней, вроде «Царя Давида», хранящегося в Русском музее, обнаруживают влияние украинской церковной живописи, более пышной, барочной. Впоследствии, уже став светским мастером, Владимир Луквич работал над убранством Казанского собора в Санкт-Петербурге, в частности, над образами для Царских врат главного иконостаса. На протяжении

«Портрет
Михаила (Десницкого)».
1803

«Портрет князя
А.Б. Куракина». 1800

ФОТО: ВЛАДИМИР ВДОВИНИН/РИА НОВОСТИ

«Аллегорическое
изображение зимы
в виде старика,
греющего руки
у огня». 1804

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Портрет Е.Н. Арсеневой».
1796

ФОТО: РИА НОВОСТИ

многих лет создавал портреты духовных лиц, причем порой они получались даже выразительнее, нежели парадные изображения знати. Одним из самых удачных считается портрет Михаила (Десницкого) (1803), ставшего в 1814 году членом Святейшего синода. Здесь Боровиковский ушел от рокайльной дымки, характерной для ранних вещей, и создал экспрессивную работу, особый драматизм которой придает фигура распятого Христа на заднем плане.

Религиозные поиски автора не всегда увенчивались успехом. В 1819-м, когда слава уже сходила на нет и на слуху были новые имена, он вступил в кружок «Союз братства», своеобразную секту. Ее члены увлекались мистическими практиками. Стремившийся обрести мир и гармонию Владимир Лукич, однако, вскоре испытал разочарование. Из записных книжек известно, что ему не раз указывали на его место, а когда в картине «Собор» он изобразил себя среди других участников кружка, и вовсе повелели убрать автопортрет.

Умер одинокий и бездетный художник в 1825 году и был похоронен на Смоленском кладбище. Что это, если не грустный итог блестящей в общем и целом жизни? Впрочем, потомки оказались внимательнее и чувствительнее современников: в начале XX столетия, после выставки русских портретов в Таврическом дворце, устроенной Сергеем Дягилевым, имя мастера вновь заняло место в сердцах любителей искусства. И теперь каждому поколению предстоит изысканное удовольствие — открывать вновь и вновь для себя творчество Владимира Боровиковского, рассматривать пленительных крестьянок и графинь, находить в них нечто непреходящее, вечное.

Свеча горела

Андрей Самохин

Свет электричества из опытных лабораторий на городские улицы первым принес не Томас Эдисон, как принято считать во всем мире, а наш гениальный соотечественник Павел Яблочков, родившийся 170 лет назад. Созданные им дуговые свечи, совершившие триумфальное шествие по планете, оказались впоследствии заменены лампами накаливания. Тогда же ушла в глубокую тень и слава настоящего первопроходца, а это несправедливо. Ведь русский изобретатель подарил цивилизации еще и трансформатор, открыл эру использования переменного тока.

В СЕМИРНАЯ выставка 1878 года в Париже на Марсовом поле шумела многими тысячами голосов, благоухала дорогими духами и сигарами, искрилась морем огней. Среди технических диковинок главным магнитом служил, по общему мнению, павильон электросвета. Ну а коронным экспонатом — свечи Яблочкова, заливавшие ярким сиянием не только выставку, но и площадь Оперы с прилегающими бульварами.

Грузный, под два метра ростом господин с гривой темных волос вокруг большой головы, с высоким лбом и окладистой бородой — все называли его здесь monsieur Paul Yablochkoff — был, кажется, на пике успеха. Еще полтора года назад, после выставки в Лондоне, мировая пресса пестрела заголовками вроде «Свет приходит к нам с Севера — из России»; «Россия — родина электричества». Его дуговые лампы были признаны главной технической сенсацией. Предприимчивые французы основали компанию и освоили ежедневный выпуск 8000 свечей, разлетающихся, как горячие пирожки.

«Русский свет», а светит и продается в Париже», — горько усмехался Яблочков, раскланиваясь с коммерсантами, интересовавшимися себестоимостью изделия. Сведения не секретные: всего-то двадцать копеек на русские деньги; два параллельных угольных стерженька, связанных тонкой металлической ниткой, а между ними каолиновый изолятор, испаряющийся по мере выгорания электродов. Подводишь ток от динамо-машины и полтора часа видишь яркое голубоватое свечение.

В голове у него уже выстроена схема автоматической замены сгоревших элементов и добавки солей в каолин, дабы окрасить лучи в разные тона. Он ведь не только электрик, но и неплохой химик.

Парижский предприниматель Денейруз вновь образованную компанию называет его именем. У Павла Николаевича — весомый пакет акций, хорошее жалованье, все возможности вести опыты. Его свечи известны и в России. Вот только несут на себе иностранное торговое клеймо, и от этой мысли он снова и снова морщится...

ИЗ САРАТОВСКОЙ гимназии родители, обедневшие родовитые дворяне, когда-то забрали его из-за дороговизны обучения. Затем — частный пансион военного инженера, композитора Цезаря Кюи и первые удачные изобретения: землемерное устройство, счетчик верст, прошедших телегой. Еще позднее — военное училище, муштра, саперный батальон, электровзрыватели, отставка по болезни и, наконец, волшебный мир электротехники, в который он окунулся с головой. Первая женитьба в Киеве, смерть двух дочерей.

Вот он, уже начальник телеграфа Московско-Курской железной дороги, изобретает между делом горелку для гремучего газа, устройство для регулирования температуры в пассажирских вагонах. Но это все мелочи. Впереди — знакомство с одним из выдающихся электротехников Владимиром Чиколевым, общие опыты и мечты, изобретение электромагнита уникальной конструкции, первого прожектора для железнодорожного локомотива на основе дуговой лампы.

Незабываемы те двое суток без сна, которые он провел

П. Яблочков

Здание Парижской оперы, освещенное «русским светом»

СТРАНА МАСТЕРОВ

на передней площадке паровоза, везшего в Ливадию самого государя Александра II. Яблочкову пришлось постоянно крутить на сильном ветру регулятор прожекторной системы, переносить ее вручную при сменах локомотива.

Потом было товарищество на паях, созданное совместно с Николаем Глуховым, штабс-капитаном артиллерии в отставке, столь же одержимым по части изобретательства человеком. Заказы? Они, обусловленные огромным любопытством столичной публики, поступали, но кредиты, набранные на исследования, перевесили прибыль и заваляли все дело. Пришлось бежать в Париж, чтобы не оказаться в долговой яме. Кем-кем, а коммерсантом Яблочков точно не являлся. Не стал им и за границей, хотя с домашними долгами расплатился сполна. Спасибо академику Луи Бреге, поверившему в талант беглого русского, обеспечившему лабораторию и денежное содержание.

Здесь, во французской столице, в ресторане, его однажды осенило: совершенно машинально он выложил на скатерть рядом два карандаша, и — эврика! Два параллельных электрода, разделенных дешевым диэлектриком, отныне будут светить без всякой регулировки.

Теперь, когда его *la lumiere russe* торжественно загорается от Нью-Йорка до Бомбея, ему опять нужно большего. Не денег или славы (пускай об этом хлопочут французские коммивояжеры) — двигаться дальше, и прежде всего осветить Россию. Он был готов еще год назад подарить свою свечу русскому Военно-морскому ведомству. Не заинтересовались. А теперь гости с Родины зовут вернуться, закончить с эпохой газовых фонарей в городах и лучин в селах. На выставке в Париже к нему подошел великий князь Константин Николаевич в компании со знаменитым пианистом Николаем Рубинштей-

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Т. Эдисон

После выставки в Лондоне мировая пресса пестрела заголовками вроде «Свет приходит к нам с Севера — из России»; «Россия — родина электричества». «Русский свет», а светит и продается в Париже», — горько усмехался Яблочков, раскланиваясь с коммерсантами

ФОТО: ИТАР-ТАСС

А. Лодыгин

ном, обещая покровительство и помощь.

Связанный по рукам и ногам контрактом, Яблочков вдруг твердо решает: он выкупит лицензию на самостоятельную работу в России — ценой продажи всех своих акций на миллион франков, гори они огнем. В конце концов, кроме электросвечей, в его багаже есть патенты на генератор переменного тока, способы «дробления света» с помощью лейденских банок, прекрасные задумки в электрохимии.

Он ясно увидел, как это будет: изумление на лицах французов (этот сумасшедший русский отказывается от целого состояния!), триумфальное возвращение в Петербург, торжественные собрания и приемы. Первые фонари с его свечами засияют в Кронштадте, Зимнем дворце, на военных судах «Петр Великий» и «Вице-адмирал Попов». А после состоится грандиозная иллюминация на коронации Александра III. Свечи Яблочкова разлетятся по стране: Москва, Нижний, Полтава, Краснодар...

Прогресс не стоит на месте. Лампочка накаливания Александра Лодыгина, идею которой «позаимствовал» и довел до ума ушлый заокеанский делец Эдисон, медленно, но верно вытесняет дуговые электросвечи. Она и горит неизмеримо дольше, пусть и тусклее, и не дает такого жара — то есть более пригодна для небольших помещений.

Взяв на работу к себе прямого конкурента Лодыгина, находившегося в бедственном положении, Павел Николаевич будет еще несколько лет совершенствовать собственное детище, в то же время давая ход разработке коллеги и называя в печати Эдисона воров.

Однако поток заказов тает на глазах, прежние покровители уже говорят с ним через губу, а поклонники — молятся уже другим богам. Закат «свечи Яблочкова» ближе к концу века все очевиднее. На Всемирной парижской выставке 1889

года сто его фонарей будут сиять в последний раз, уже как исторический раритет. Лампочка Лодыгина — Эдисона с тонкой вольфрамовой ниткой в вакуумной колбе окончательно победит.

Развенчанному герою предстоят денежные и бытовые проблемы. Потерпев фиаско, он не впадет в отчаяние, станет упорно работать над генераторами и трансформаторами, мотаясь между Петербургом и Парижем. Примется тратить последние средства на опыты по электролизу. Проводя эксперименты с хлором, сожжет слизистую оболочку легких, а во время другого опыта — чудом не сгорит сам.

Патенты посыплются как из рога изобилия, но не принесут денег даже на исследования. Отягченный долгами, со второй женой и сыном Платоном, Яблочков переберется на малую родину, в Саратов, где, страдая водянкой и уже не вставая с постели, в номере заштатной гостиницы продолжит работать за придвинутым столом. До последнего дня своей недолгой жизни. Ему было всего сорок шесть.

Родина не забыла его после смерти. В честь Яблочкова названы улицы в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Перми, Астрахани, Владимире, Рязани и других городах страны; Саратовский электромеха-

нический техникум (ныне Колледж радиоэлектроники); премия за лучшую работу по электротехнике, учрежденная в 1947 году; наконец, кратер на обратной стороне Луны и технопарк в Пензе — это ли не признание заслуг. Примечательно, что общенациональная слава к выдающемуся изобретателю и ученому пришла уже при советской власти.

На могильном памятнике, восстановленном в 1952-м в селе Сапожок Саратовской области по инициативе президента АН СССР Сергея Вавилова, выбиты слова Павла Николаевича Яблочкова: «Электрический ток будет подаваться в дома, как газ или вода».

О СВЕЧЕ Яблочкова международный электротехнический журнал *La Lumiere Electrique* в 1879 году писал: «Из всех электрических ламп самая важная по размерам применения и до настоящего времени, без сомнения, самая оригинальная — это свеча Яблочкова». Издание цитировало также статью из «Известий Парижской академии наук»: «Свеча Яблочкова вызвала в Париже, как, впрочем, и в других местах, целое движение в пользу электрического освещения...

Ей, безусловно, мы обязаны тем, что электрическое освещение стало обычным способом».

П ИОНЕРЫ русской электротехники Владимир Чиколев, Александр Лодыгин, Николай Булыгин, Дмитрий Лачинов во главе с Яблочковым в 1880-м создали особый отдел Русского технического общества, посвященный практическому использованию электричества. Председателем был избран генерал Филадельф Величко,

товарищем председателя — Павел Яблочков. Общество оказалось в своем роде одним из первых в мире, опередив на три года аналогичную французскую научную организацию. Среди пяти первых специализированных изданий на планете был и журнал «Электричество», в работе над которым Яблочков принимал самое активное участие. По инициативе Павла Николаевича в том же 1880 году открылась первая Электротехническая выставка.

Музей Русского технического общества в Санкт-Петербурге

Служу России

ФОТО: ЕЩЕ ОЖИВИЛИ НОВОСТИ

Домосед

В. Арсеньев (первый)
и Дерсу Узала (второй)
в уссурийской тайге. 1907

на краю империи

Валентин Буров

О Владимире Арсеньеве вспоминают в последнее время часто. Всплеск интереса к этому неординарному писателю и исследователю, надо полагать, ждет нас в сентябре нынешнего года, когда со дня рождения Владимира Клавдиевича исполнится 145 лет. Его именем названы в России город и поселок, ледник и горная вершина, многочисленные улицы и школы... Каким был автор легендарного романа «Дерсу Узала»?

В ДЕТСТВЕ он зачитывался романами Жюль Верна, Гюстава Эмара, Томаса Майна Рида. Потом пришла пора других книг — мемуаров путешественников. Кумиром юного Володи стал, по его собственным словам, Николай Пржевальский.

Активно приобщал наследников к познанию мира отец семейства Клавдий Федорович, служащий железной дороги. Читал им вслух, затевал странствия по географической карте. К слову, в семье было девять детей и приемная девочка-сирота.

«Я очень благодарен ему за то, что он сумел вселить в меня любознательность к страноведению в широком смысле этого слова... — вспоминал Арсеньев. — Если отец дал мне географическую канву, то брат матери И.Е. Кашлачев, страстный любитель природы, указал, как по ней надо вышивать узоры».

Вместе с дядей и его сыновьями Володя ходил на рыбалку, совершал лесные походы с ночевками, плавал по реке Тосне. Разумеется, никто не знал, что он станет знаменитым путешественником. Но в мальчишке уже тогда зрела непреодолимая тяга к странствиям.

Одно время казалось, что судьба уводит Арсеньева в ином направлении. По окончании Петербургского пехотного юнкерского училища ему предстояла служба в Новочеркасском 145-м пехотном полку, расквартированном на Малой Охте, затем — в польском городе Ломжа. И в тот период молодой военный вроде бы не выказывал особой охоты к перемене мест. По воспоминаниям первой жены, Анны Константиновны, «Арсеньев был домашнего склада человек: любил сидеть дома и работать или читать; гостей терпел, так надо было... Офицерскую среду не выносил: вино, сплетни, адюльтеры, «кто следующая», чиновничество, базарные сплетни».

Не так много было тех, кто хотел служить вдали от цивилизации, в глуши. Арсеньева же потянуло на край империи, о котором он уже был основательно наслышан. Рапортовал начальству: «Желая продолжать службу Его Императорского Величества в одном из отдаленных округов, прошу ходатайства... о переводе меня в одну из пехотных частей Квантунской области или Приамурского военного округа».

В мае 1900-го 27-летний поручик получил перевод на дальневосточную окраину России, в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. Занимался исследованиями острова Русский, полуострова Муравьева-Амурского, таежных мест. Поначалу поездки предпринимались на личные средства. Офицер действовал на свой страх и риск, часто в одиночку, иногда с несколькими энтузиастами.

Вскоре Арсеньев стал начальником крепостной конно-охотничьей команды и в качестве военного топографа приступил к научным изысканиям. Все маршруты наносились на карту края, которая тогда зияла белыми пятнами. Его экспедиции служили не только науке, но и военному делу. Исследователи намечали пути возможного движения русских войск — на случай начала боевых действий, определяли рубежи обороны и маршруты наступления. Так, во время Русско-японской войны он занимался разведкой местности от реки Суйфун (ныне Раздольная) до Майхэ (сейчас Артемовка).

Выполнял и другие секретные миссии, в частности, в 1912-м по поручению только что возглавившего Приамурский край генерал-губернатора Николая Гондатти руководил экспедицией по борьбе с хунхузами, организованными бандами китайцев, донимавшими беспрепятственными грабежами местное население.

Тщательно подготовленная операция российского спецназа завершилась успешно: Арсеньев, действуя решительно и жестко, уничтожил множество бандитских фанз. Как он писал в рапортах, эта часть края

В. Арсеньев. 1913

была освобождена от хунхузов и браконьеров, промышлявших пушниной, на 90 процентов.

Участвуя в военных операциях, не забывал и о научной работе, производил раскопки, чертил планы археологических памятников, делал заметки в дневнике.

За первые годы XX века описал практически весь юг нынешнего Приморья. Судя по многочисленным наградам — ордена Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира — сведения, которые добыл Арсеньев, оказались чрезвычайно ценными.

Он был среднего роста, мускулист, метко стрелял — навскидку, не целясь, прекрасно управлялся с лошадью. В кармане носил золотые часы «Павел Буре», подаренные отцом. Таким Арсеньева запомнил сын, тоже Владимир, или, как его называли домашние, Воля. Тот рассказывал, как Владимир Клавдиевич приучал юношу к жизни в тайге. Однажды оставил в лесу одного, сказав, что скоро вернется. Вечером мальчишка понял, что отец не придет, но не испугался. Вспомнив советы, разжег костер, поставил маленькую палатку, переночевал, а утром сориентировался по солнцу и вернулся домой.

В 1908–1910 годах Арсеньев при поддержке Русского географического общества совершил экспедиции в северные районы Уссурийского края, от побережья Татарского пролива до Амура и низовья Усури. Всего к 1930 году на счету неустанного исследователя было восемнадцать путешествий в малоизученные или совсем неизведанные районы Приморья, Приамурья, Камчатки, Охотского побережья. Не раз рисковал жизнью, был на волосок от гибели.

Дневники, которые он вел в своих одиссеях, позже стали основой книг «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу». По словам Максима Горького, русскому путешественнику «удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера».

Особенно популярной стала повесть «Дерсу Узала», переведенная на тридцать языков мира и выдержавшая более ста изданий. Ее дважды экранизировали — в 1961-м и в 1975-м. Режиссером второй картины стал знаменитый

Акиро Курасава, а в роли Арсеньева снялся Юрий Соломин.

Нелишне отметить, что Дерсу, таежный охотник-удэгеец, проводник, показан не таким, каким был в жизни. В фильме это маленький, сухой старик, на самом же деле «он был страшной физической силы, грудь была бочкой, руки медвежьи, ноги кривые».

Книги Арсеньева и сейчас читаются с огромным интересом. Но истории их автор ценен не только своими воспоминаниями. Не менее любопытно и его мировоззрение. Так, он предлагал разрушать «всякие политические и торговые китайские ассоциации» в Приморье, считал, что «рассчитывать на обрусение китайца не приходится». Советовал не сдавать уроженцам Поднебесной местные земли в аренду, устанавливать квоты на китайскую рабочую силу. И, наконец, предупреждал, что решение «китайского вопроса» зависит от того, насколько самостоятельна экономическая политика России.

При советской власти он занял должность профессора Владивостокского педагогического института на кафедре краеведения и этнографии, организовал экспедиции на Командорские острова и в Хабаровский край.

Сначала его как бывшего царского офицера обязали раз в месяц отмечаться в комендатуре ОГПУ во Владивостоке. Несколько раз допрашивали чекисты. Криминала в действиях Владимира Клавдиевича они не нашли.

Умер выдающийся путешественник, литератор и ученый в сентябре 1930-го от воспаления легких.

Недавно во Владивостоке представили на суд зрителей музыкальный спектакль «Стебли нот расцветающих», посвященный Владимиру Арсеньеву, где раскрывается еще одна сторона богатого дарования: обладатель замечательного голоса, он любил классические музыкальные произведения, арии и романсы. Его брат Клавдий был хорошим пианистом, а сестры Капитолина и Мария стали оперными певицами.

Национальный парк
«Удэгейская легенда»

ФОТО: ИГОРЬ ЮНЧЕНКО/ИИ.НОВОСТИ

Простое ремесло

В сентябре исполняется 135 лет со дня рождения Бориса Житкова, моряка, путешественника, автора «осязаемых», весьма познавательных детских рассказов. Чуткий к интонации и разговорной речи, ненавидевший «всякую фальшь и банальщину», он создавал простые и вместе с тем неординарно осмысленные образы людей, вещей, животных, механизмов.

Дарья Ефремова

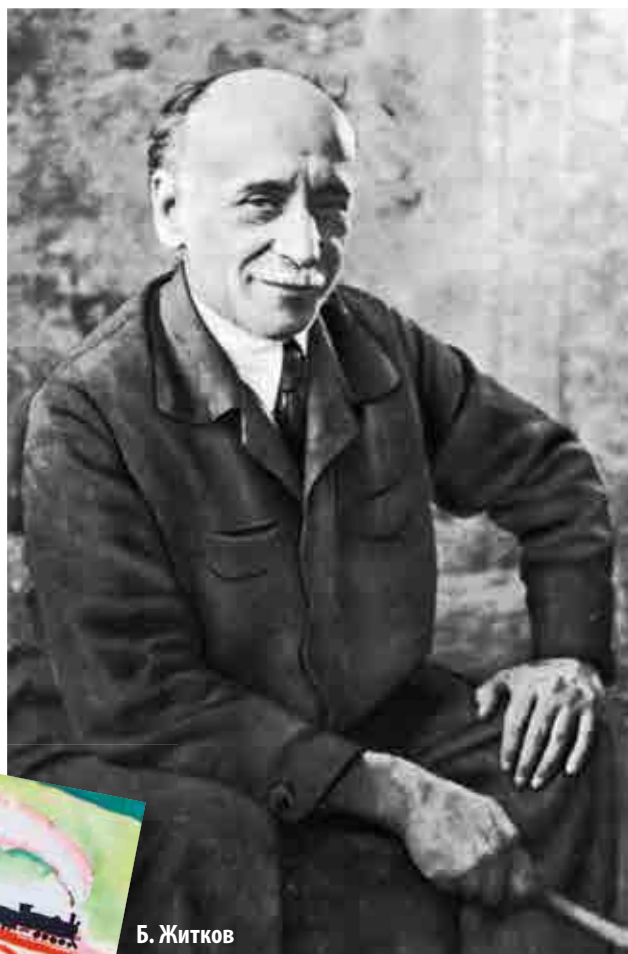
МАМА накупила яиц, колбасы, яблок и еще две булки. Алеша-Почемучка взял с собой мишку, из которого «немножко сыпались опилки». Игрушку быстро зашили, положили в чемодан. До поездки родители ругали ребенка «гадким мальчишкой» — он совершил страшный грех, подслушал взрослый разговор. Почемучка — вот уж в ком таился поистине пытливым, жадный до познания ум — никак не мог взять в толк: а почему нельзя? На веру что попало не принимал, всему искал доказательств.

Свой самый известный детский цикл «Что я видел» Борис Житков снабдил предисловием, напоминающим докторский рецепт: «Возраст от трех до шести лет... читать... по одной-две главы на раз». Не только писатель, но и педагог, он видел задачу в том, чтобы сделать по-настоящему полезную книгу — о вещах, технике, ремеслах, учреждениях.

Вокзал — «большой дом, наверху часы», кондуктор в красной шапочке, тетя с черным стриженным под льва пуделем, а у собаки, как у девочки, на голове бант, — к чему, казалось бы, все эти заурядные подробности?

Атмосферные бытовые зарисовки перемежаются с выверенно-точным описанием принципов работы семафора, электрической плитки, лифта, трамвая. Житков рассказывает о большом мире неторопливо, лаконично, внятно. Не забывает объяснять и современные ему реалии: красная конница с пиками и ружьями шествует по улицам Москвы, колхозный начальник Матвей Иванович рассказывает, что не надо бояться стада: коровы в дом не придут.

Столь же познавательными, но еще и трогательными вышли его «Рассказы о животных»: про обезьянку Яшку — мордочка сморщенная, старушечья, глаза живые; преданного, как пес, волка — его уж и прятали, и в наморднике держали, и даже с квартиры съехать хотели, но околоточный все равно серого похитил и куда-то увез, не хотел неприятностей с начальством; про добряка-слона,

Б. Житков

который кормит многочисленное индийское семейство.

«Он был одним из создателей советской научно-художественной литературы, осуществивших высказанный Горьким принцип: «Не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной книгой, — писал исследователь творчества Житкова, критик, литературовед Александр Ивич. — Точнее

говоря, Житков был одним из немногих в то время писателей, которые своими произведениями дали Горькому основание сформулировать этот принцип».

Широко известны житковские циклы о профессиях, особенно сборник «Морские истории»: «Шквал», «Урок географии», «Под водой», «Механик Салерно».

Вот где и детективная самоотверженность с мужеством, и профессионализм, и характерная для писателя «настоящность» момента,

и психологическая достоверность, обеспечивающая эффект читательского присутствия и сопереживания:

«Кочегар лег на койку... Все думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют?.. Жарко показалось в каюте, как в душке. И все жарче, жарче казалось».

Старика Салерно, механика, будить неловко — еще разворчит. Нечего беспокоить по пустякам. Да товарищи и не бьют тревогу, почти все спят, двое в карты играют: «Что ты, первый раз? В этих местах всегда так».

«Потонем, как мыши в ведре», — решает кочегар и идет будить Салерно. Механик сразу же понимает, в чем дело, находит капитана. Они стараются тихо, без паники потушить занявшийся в трюме пожар — «там кипы с пряжей и какие-то бочки». Но — поздно: Салерно взял на борт запрещенный груз — бертолетову соль. Уже черный дым «густой змеей валил из трубы», «красным отсветом горели буруны по бокам парохода», пассажиры, калеча друг друга, бросались к шлюпкам.

Достоверность — не от богатой фантазии, это результат внелитературного опыта. В случае с моряками Житков отлично знал тему — был инженером-кораблестроителем, штурманом дальнего плавания. В литературу же вошел довольно поздно, «начинающим писателем сорока трех лет от роду».

В его рассказах — аромат работы. «Знал десятки ремесел», — восхищались современники. Ивич приводит эпизод, воссозданный по рассказу Константина Федина, однажды решившего разузнать у Житкова о том, как делаются бочки, — это требовалось для рассказа.

«На лестнице Дома книги мне встретился Борис Степанович. «Не помню сейчас книжек о бондарном деле, но когда-то сам был знаком с ним, — сказал он. — Вот послушай». Мы отошли в сторонку, и тут же, на площадке лестницы, я узнал подробности о заготовке клепки, обручей, обо всех инструментах бочара, обо всех трудностях, опасностях, болезнях и обо всем восторге бочоночного производства. Житков говорил с таким увлечением и так наглядно объяснял набивку обручей на клепку, что я почувствовал себя перенесенным в бондарную мастерскую, слышал стук и гул работы, вдыхал аромат дубовой стружки и готов был взяться за горбатики, чтобы немножко построгать вместе с замечательным бондарем Житковым».

РИСУНОК: Н. НОСКОВИЧ

В начале творческого пути его застал Корней Чуковский, бывший к тому времени уже известным литератором, и поведал об этом так: «Был... у Житкова в воскресенье... в прошлом году... он еще люто нуждался и жил на иждивении у «Мишки» Кобецкого, приходя ко мне пешком обедать с Васильевского острова. Теперь, в один год, он сделал такую головокружительную карьеру, что мог угощать обедом меня». Весь год ходил по учреждениям, искал работы «и так прекрасно рассказывал о своих мытарствах, что всякий невольно говорил ему: отчего вы этого не напишете?.. Он вял. Стал писать о морской жизни... и дело двинулось. Он человек бывалый, видал множество всяких вещей, очень чуток к интонациям простонародной речи, ненавидит всякую фальшь и банальщину, работоспособен, все это хорошие качества. Но характера — не создает, потому что к людям у него меньше любопытства, чем к вещам».

Характеры появятся чуть позже. Роман «Виктор Вавич», который он считал своей главной книгой, — масштабная историческая фреска, картина жизни эпохи первой русской революции. Там фигурируют неоднозначные герои, а главный персонаж Вавич — «вольнопер», скудный ум, околоточный надзиратель, но в целом парень неплохой; задаются сложные и подчас неразрешимые вопросы, указываются болевые точки времени; революционные экстремисты уступают авансцену погромщикам, а те, в свою очередь, — respectable семейству заурядного чиновника. Атомарность, жизнь по стечению обстоятельств, русский утопизм и архаичный уездный пласт — все это, пожалуй, роднит роман с антиутопией Замятина.

У произведения незавидная участь: тираж, готовившийся к печати в 1941-м, пошел под нож — в первые годы войны было не до антиутопий. Книгу не оценили и позже.

Житков не стал властителем дум, не сдвинул «утробных пластов бытия». Так и остался мастером в нескольких смыслах этого слова, опытным созида-телем, автором рассказов для детей. Однако писал он «как никто другой, в его книгу входишь, как ученик — в мастерскую».

Стоп-кадр

ФОТО: ГЕОРГИЙ ТЕР-ОВАНЕСОВ/РИА НОВОСТИ

Г. Шпаликов. 1965

В чем дело, сразу не поймешь

Николай Ирин

6 сентября исполнится 80 лет со дня рождения Геннадия Шпаликова, киносценариста, режиссера, поэта, эмблематической фигуры 1960-х. За свою небольшую жизнь он создал сравнительно немного. Однако несколько его творений проросли в национальную почву столь глубоко, что, кажется, без этих корней она расплзлась бы, покрылась уродливыми трещинами.

ЕМУ удалось оставить после себя невероятно привлекательную личную мифологию: количество написанного и сказанного по его поводу стократ превышает им созданное. Шукшин и Высоцкий — в этом ряду стоит Шпаликов. Правда, великие современники основательнее, они — творцы, свято уверовавшие в собственную миссию и поэтому закономерно «канонизированные». А Геннадия Федоровича вечно мотало: он пребывал в сомнениях относительно своего социального и психологического статус-кво, а равно — будущности:

*Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут...*

Шпаликов — художник, который умел выдавать словно бы беспримесную эмоцию, игнорируя технику с технологией и, самое главное, опуская стадию анализа как избыточную. В более чем достойных его светлой памяти воспоминаниях Наталии Рязанцевой, первой жены, есть, кроме прочего, следующее наблюдение:

«Разводились мы ужасно долго. «Гена, я тебя не люблю!» — говорила я. «Почему?» — спрашивал он. «Потому что не люблю...» — «Почему?...» Эти диалоги длились бесконечно. Обидеть Гену было невозможно. Во время бракоразводного процесса надо было говорить: «Не сошлись характерами». «А зачем? — спрашивал Гена. — Мы же сошлись!» Но произнес все, что требовалось, давась от смеха. И подвел итог: «Боевая ничья».

Рязанцева, автор по-настоящему хороших, аналитичных сценариев к таким фильмам, как «Крылья», «Долгие провода» или «Чужие письма», демонстрирует на частном примере не просто стиль мышления Шпаликова, но и ключевые черты его художественного метода. Два драматурга на глазах творят сюжет несоответствия — методологического.

«Я тебя не люблю. Мы не сошлись характерами» — словно попытка психологического дознания. «Почему не любишь?! Мы же сошлись!» — здесь программный отказ идти, через психологическую возню, на поводу у той, что отрицает его лучшие качества, волевое перекодирование скучного выяснения отношений в жизнерадостную пикировку, словесную игру на грани абсурда.

Вчерашний суворовец внезапно осознает, что мобилизационная модель существования себя исчерпала, а народ не может бесконечно стискивать зубы и терпеть. То есть он в состоянии, конечно, и, если понадобится, станет, — а наши юноши с девушками опять превратятся в героев, пускай не войны, но труда, науки, физкультуры и спорта, — только что же делать с внезапно открывшимся горизонтом, с прекрасным и яростным миром, который, оказывается, не был отменен партийным декретом, а всего лишь до поры тайлся?

«Мне двадцать лет». 1965

«Долгая счастливая жизнь». 1966

«Стеклянная гармоника». 1968

Шпаликов придумал и внедрил в культурное пространство тип фланера, человека, обживающегося здесь и сейчас, жадно всматривающегося и вслушивающегося, радостно соинтонирующего волшебному звуку музыкальной пьесы под названием «живая жизнь». «Бывает все на свете хорошо, в чем дело, сразу не поймешь» — ведь это программный отказ от аналитики, от разделения мирового единства на посыл и вывод, причину и следствие. В сущности, религиозная программа, тотальное приятие мира.

Советская культура была сориентирована на прояснение темных мест, срывание социальных масок, сопутствующий поиск противников, выработку активной жизненной позиции и эффективного плана действий.

Как показала постсоветская история, этот подход имел смысл, да еще какой! Однако долговременное вторжение социальных активистов в частную жизнь все-таки нестерпимо. Наиболее последовательным протестом против всеобщей повинности стали некогда творчество и сама жизнь обэриутов. «Я гений пламенных речей», — восклицал Хармс, встраивая свои прихотливые строки в силовое поле русской поэзии. Но стихи Шпаликова как будто рождаются наперекор сильной поэтической традиции — из повседневного бормотания, из обыденной речи.

Конечно, это иллюзия, он и начитан, и мастеровит. Лирический герой только делает вид, что ничего никогда не читал и что пишет, как дышит. Его бормотание, заклинания намертво врезаются в память и уже никогда оттуда не стираются.

*Забываю тебя, забываю,
Неохота тебя забывать,
И окно к тебе забываю,
А не надо бы забывать, —*

тревожит он, по-видимому, переехавшую к новому мужу Наталию Рязанцеву, и эти строки тяготеют к причитанию, одному из почтенных фольклорных жанров. Вот и в его кинематографической работе непринужденная устная речь призвана обозначать невыносимую легкость бытия. Молодые герои запросто вступают в контакт с первыми встречными девушками, стремительно их очаровывают, столь же быстро очаровываются сами.

Впрочем, не только молодые. Незабываемый полотер средних лет, эпизодический персонаж фильма «Я шагаю по Москве», тоже легко находит слова, темы для разговора с незнакомыми людьми, бойко импровизирует. Владимир Басов и его визави устраивают своего рода аттракцион коммуникации, однако меж ними возникает тотальное непонимание, предельное несопадение взглядов — умопомрачительно контактируют совершенно чужие люди.

Этот эпизод — один из лучших в столетней истории отечественного кинематографа — дает основания опровергнуть расхожую точку зрения на Шпаликова: дескать, в коротком промежутке оттепели он выражал радужные чаяния интеллигенции, а после 68-го, когда надежды на социализм с человеческим лицом рухнули, и сам внутренне сдулся.

Полная чепуха. Шпаликов — не мелкотравчатый публицист. Да, он объективно выражал время и в значительной мере — пресловутые мечты интеллигенции. Но был шире и глубже. Персонажи его картин слишком задушевно общаются потому, что изо всех сил стараются не замечать: жизнь по определению драматична.

Эту истину не нужно было специально декларировать в эпоху бури и натиска, предшествовавшую оттепели, однако прекраснодушие, затопившее интеллигентские умы после XX съезда, словно вынуждало вытеснить драматическое понимание на задворки сознания. Гипертрофированная радость во многом была деланной, восторженная улыбка — искусственной.

Шпаликов, похоже, стал жертвой не политики партии, а фальшивого оптимизма того сословия, в которое он по неосторожности вписался. В «Заставе Ильича» персонажи говорят слишком много, их поведение похоже на невроз. Правильные слова о наследии революции или неправильные реплики, вроде тех, что саркастически адресует картошке с репой эпизодический герой Андрея Тарковского, — все одно: они маскируют нечто принципиально важное.

Геннадий Федорович хорошо мыслит, легко сочиняет, но социальная реальность не

дает возможности придумать такой сюжет, который бы это «принципиально важное» вместил. Отсюда бесконечные разговоры ни о чем. Полотер, требующий от обоих писателей, молодого и пожилого, «правды характеров», в сущности, прав.

Но когда он же, человек явно внимательный и как будто неглупый, пытается с ходу предложить альтернативные сюжеты (из своей жизни), выясняется, что они убоги, малоинтересны. Хотя его, полотера, внимание к негативным сторонам действительности объяснимо: те худо-бедно актуализируют драматизм бытия.

В одной из последних вещей Шпаликова, фильме «Ты и я», снятом Ларисой Шепитько по их совместному сценарию как раз на рубеже 60–70-х, растерянность драматурга становится очевидной. Базовый сюжет — измена собственному предназначению, мессианская претензия на то, чтобы спасти других, — идет, конечно, от Шепитько. Шпаликов, как

может, насыщает картину материалом иного рода.

Когда героиня Наталья Бондарчук возмущенно бросает персонажу Леонида Дьячкова: «Себя и спасайте на здоровье, если еще есть, чего спасать», это воспринимается в качестве протеста самого автора, прикованного к собственному внутреннему миру, обреченного на внимательное наблюдение за собою. А в центре картины между тем — нескончаемая, переходящая в истерику депрессия врача, который не может помочь пациентам лишь потому, что когда-то бросил науку и свои новаторские эксперименты над собаками.

Эта завиральная «глобалка», этот протяженный, умозрительный, да и попросту нравоучительный конструкт абсолютно противоречит природе шпаликовского дарования. Ведь намного важнее непосредственный контакт между «ты» и «я», только в этих отношениях можно более или менее основательно разобраться. Шпаликов идет от частного случая, от жизненной эмпирии. Вот его чрезвычайно удачное стихотворение об этом:

*Тебе со мною скучно,
А мне с тобою — нет.
Как человек — ты штучна,
Таких на свете нет.
Вас где-то выпускают
Не более пяти,
Как спутник запускают
В неведомой степи.*

Обобщения, если кто-то вздумает их делать, должны следовать после. Вначале — всегда история двух штучных людей.

Его единственная режиссерская работа, фильм «Долгая счастливая жизнь», поражает тем, что не провоцирует честного зрителя ни на какие обобщения и моральные выводы. Встречаются мужчина и женщина с ребенком. По инерции, по неписаным законам человеческого общежития, двое молодых, красивых и обаятельных начинают сближаться, планируют долгую счастливую жизнь. Или, может, таковая

уже осуществилась, вместившись в несколько совместно проведенных часов?

Блистательный, в высшей степени парадоксальный ход драматурга! Интенсивность проживания текущего мгновения у этих двоих столь велика, что им потребовалось меньше суток на все стадии отношений. Это не сюжет отчуждения, наоборот, история полного принятия и даже несколько агрессивного потребления жизни, ее радостей и разочарований, спрессованные эмоции, гиперзвуковая скорость существования.

Здесь Шпаликов нащупывает новые возможности, прорывается к оригинальной поэтике. Однако советская художественная среда слишком политизирована, мыслит категориями глобальными, любовно засматривается на себя саму. Не получив должного одобрения и понимания, он пытается встроиться в общую колею. «Ты и я» — картина, сильно зависимая от лучшего нашего фильма про интеллигенцию, «Июльского дождя», и предвосхищающая «В четверг и больше никогда». Но общая колея для природы, подобной той, что была у Шпаликова, хуже смерти.

А когда «хуже смерти», человек закономерно выбирает смерть: явление несостоявшейся самоубийцы, героини Натальи Бондарчук из ленты «Ты и я», регулярное заигрывание с идеей суицида в стихах. Вот, например, такое, «программное»:

*Есть у раздражения
Самовыражение.
Дверью — хлоп,
И пулю — в лоб.
Ах, как всем досадил!
.....
Две вдовы
(Две жены)
К случаю наряжены.
Он лежит — уже ничей
В ожидании речей.*

Это, конечно, слишком изобретательно и чересчур сильно, чтобы оставаться в народной памяти, как

случилось с куда более сентиментальными, нежными вещами Шпаликова, любовно процитированными в «Подранках» или, скажем, в «Оттепели» Валерия Тодоровского. Геннадий Федорович был послан в мир, чтобы говорить человеку жестокие вещи, был заточен на то, чтобы рубить правду-матку.

Будучи сенсором, человеком предельно тонкой внутренней организации, он, несмотря ни на что, тянулся к людям, надеялся на них, устами главного героя, с просительной интонацией формулировал: «Кому-нибудь нужны и ты, и я. Пока это чувствуешь — живешь».

Опасная формула. Люди предаются. Либо не справляются, норовят погрязнуть в повседневных заботах и с необходимой помощью могут попросту не успеть. Шпаликов был сильным, умным и слишком любил людей. В советское время таких называли «художниками-гуманистами». Про Бога у нас часто говорили и говорят, словно про самого большого начальника. Тонких и самостоятельных подобная интонация справедливо отпугивает, отвращает. На самом деле Он — не начальник. Шпаликов об этом знал, но почему-то все равно отчаялся.

В сегодняшнем мире 80 лет — не возраст. Многие достойные художники благополучно этот срок перешагнули. Шпаликов — нет. Штучный человек. Таких выпускали не более трех-четырех на несколько поколений. Производство перепрофилировали, закрыли...

Но как бы ни было грустно от подобных мыслей, мы, перечитывая знакомые строчки или пересматривая любимые кадры, непременно улыбнемся и душевно подподем:

*Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.
А прорастают они так —
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда,
И я на это — не мастак!*

Записки охотника

П. Соколов. «Сборы на охоту. У крыльца». 1870

Золотой век русской псовой

Михаил Булгаков

ИСТОРИЯ охоты с собаками уходит корнями в дремучее прошлое. Однако упорядоченная, обставленная ритуалами псовая охота появилась в средние века. Первое подробное описание таковой на Руси оставил нам австрийский дипломат и писатель XVI века Сигизмунд фон Герберштейн («Записки о Московии»).

В своем классическом виде она была доступна лишь царю, князьям да вельможам — рядовые помещики того времени почти не жили в собственных вотчинах, будучи связаны с обязательной государственной службой.

В 1762 году Петр III подписал «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству», и уже в течение первых десяти лет из армии в отставку вышли до 10 тысяч человек. В 1785-м «Жалованная грамота» Екатерины II закрепила новые права дворян и фактически превратила их в праздное сословие. Вот тогда-то псовая охота и стала одной из самых ярких примет помещичье-усадебного быта — почти на целое столетие, вплоть до отмены крепостного права.

Русская, так называемая комплектная псовая с европейской парфорсной охотой, имеет только сугубо внешнее сходство. Французские виконты и английские лорды охотились иначе. В Булонском лесу или в ухоженных парках Суссекса и Йоркшира лисиц и зайцев преследовали и настигали исключительно гончие (надо признать, великолепные), а уж за теми на породистых скакунах поспевали чопорные наездники, избраженные на некоторых гравюрах XIX века... в цилиндрах и смокингах. К тому же в Западной Европе еще в незапамятные времена перевелись волки — предмет особого вождения русских псовых охотников.

Самые дельные из наших, нагружив объемистые фуры скарбом, провиантом и собаками, прихватив имеющуюся в наличии челядь, степенно отправлялись в отъездное поле месяца эдак на полтора-два. Иногда с заездом в соседние и более отдаленные губернии, всегда и везде пользуясь традиционным в этой среде радушным приемом.

Отличалась от парфорсной и сама техника русской псовой. В лесной массив или иное урочище расторопные выжлятники набрасывали стаю гончих. Та, подбадриваемая наставниками, натекала на след и с

неистовой яростью, ревом, визгом, оглушительным завыванием выгоняла зверя на открытое место. А уж здесь, на укромных опушках, в заросших отверстках, на вершинах оврагов — на лазу — его поджидали притаившиеся до поры верховые со сворами борзых.

Вот он — зверь! Мгновение — и борзая, спущенная со сворки, устремляется в погоню. Не бежит — летит, не разбирая дороги и не видя ничего, кроме добычи. Тем временем охотник, лихо скачущий через канавы, плетни, буераки и кусты, всецело поглощен азартом этой травли.

Попался заяц — хорошо, лисица-плутовка — еще лучше, а уж если волк... Прямо с лошади валится подоспевший всадник в кучу малу борющихся и хрипящих зверей, тотчас выхватывает из ножен кинжал и принимает волка. Закалывает его коротким и верным ударом.

Редко, но все же совершались и маленькие охотничьи подвиги. Высшей доблестью и шиком считалось умение сострунить волка — взять его живым, вставить ему в пасть рукоять арапника и связать ноги сырым мятым ремнем. Неописуемый восторг и невероятное блаженство — взвалив на всхрапывающего коня серого разбойника с налитыми кровью злобными, вытаращенными глазами, проехать по деревенской улице, запруженной восхищенной ребятней и благодарными крестьянами.

Неисчислимые беды претерпевал мужик от своего заклятого врага. Это сейчас волки стали «санитарами леса», а, к примеру, в исследовании Василия Лазаревского «Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка» (1876) приводится чудо-

А. Кившенко. «Охота с гончими». 1894

вищная цифра: ежегодный ущерб, наносимый хищниками русскому крестьянину, оценивался в десятки миллионов рублей.

Разумеется, такая охота — с размахом, удачью и бесшабашностью — вполне соответствовала известным чертам русского характера. Ее развитию способствовали и привольные, не стесняющие фантазию пространства, и повсеместное обилие зверя, и наличие состоятельного дворянского сословия.

Много ли было псовых охотников в России? Перед самой отменой крепостного права в стране насчитывалось чуть больше ста тысяч помещиков. Крупных из них — всего около четырех тысяч. Но даже небогатые землевладельцы были подвержены охотничьей страсти и держали хотя бы свору борзых.

Обе столицы летом и осенью, как правило, пустели, зная удалялась на ближние дачи или в провинцию, в родовые имения, где предавалась отдохновению от городской суеты и балов, посвящая досуг хозяйственным заботам и охотничьим утехам.

Расхожее мнение о псовой охоте как забаве лишь для богачей не вполне соответствует истине. Конечно, «заказывали музыку» владельцы псовых охот, но участвовали в них, помимо состоятельных и знатных хозяев, а также их гостей, и простые мужики: ловчие, доезжачие, выжлятники, борзятники, стремянные, конохи и прочий отнюдь не голубых кровей люд. Своеобразная красота травли одинаково волновала и богатых, и бедных.

Возникали и такие коллизии, когда вовсе не было господ со слугами — охота всех делала равными. Взять хотя бы случай из «Войны и мира». В ставшей хрестоматийной сцене псовой охоты есть поразительный эпизод: доезжачий Данила, крепко обругав зазевавше-

гося на лазу престарелого графа Ростова, даже замахнулся на своего патрона арапником. И что же граф? Сконфуженно, виновато смолчал и уже потом, когда страсти улеглись, только и молвил: «Однако, брат, ты сердит».

В среде псовых охотников обретались поистине легендарные личности. Во время войны с Наполеоном один рязанский помещик, генерал, на собственные средства (миллион рублей!) собрал ополчение, а после отправился в заграничный поход. Сопровождавший его личный обоз представлял собой неопишемое зрелище: полсотни камердинеров, официантов, обычных лакеев, прачек, кучеров, казаков и... псарей. Генерал прихватил с собой в Европу борзых и гончих собак, обрядив их в нарядные епанечки и шапочки.

Современники к его военным подвигам относились скептически, но в Старом Свете этого барина запомнили надолго, хотя бы

за то, что после взятия какой-то крепости в Германии он в честь победы закатил пир и напоил все взрослое население городка, мужское и женское, до полождения риз.

Вернувшись с войны, ничем, кроме охоты, не занимался. Есть документальное свидетельство 1827 года: в его усадьбе на псарне содержались 673 собаки разных пород, в другом имении — почти 300.

Увы, прославился он — а это был не кто иной, как скандально знаменитый Лев Измайлов — не только ратными делами и страстью к охоте, но и своим необузданным нравом, отчего подвластные ему люди невыносимо страдали. После вцарения Николая I в государевы кабинеты попала петиция с жалобами, и во владения Измайлова нагрянули большие чиновники с жандармами, учинили дотошное следствие. Ему грозила суровая кара, но его по состоянию здоровья пощадили и обрекли на безвыездную жизнь в Туле.

«Встреча Мичикова с Назаровым в трактире. Я песь чувствую, какой доподлинный Бозынь-ка рукой... Мичиковъ звать его за песь, сказавши хороше пудль...»
(И. В. Гоголь, «Мартышка», Гл. IV).

И. П. Соколов.

1821—1899.

Р. Sokoloff puz.

Мен. Им. Александр III. Музея Александр III.

В. Р. Дицъ.

Ловчий Его Императорскаго Величества.

Историки литературы считают, что за персонажем грибоедовского «Горя от ума», выменявшего своих преданных слуг на три борзые собаки, скрывается именно генерал Измайлов. А пушкинисты полагают, что он же послужил прототипом самодура Троекурова в «Дубровском». Что ж, оборотная сторона едва ли не всякого явления неприглядна. Египетские пирамиды и римский Колизей строили рабы, но эти памятники служат объектами всеобщего восхищения не одну тысячу лет. Псовая охота — явление культурной жизни наших предков, именно так и надо ее оценивать.

Нелишне вспомнить здесь еще одного видного представителя охотничьего дела — орловского помещика, автора книги «40 лет постоянной псовой и ружейной охоты» (1856) Николая Киреевского (1797–1870), дальнего родственника известных братьев-славянофилов. В 24 года он в чине ротмистра вышел в отставку с кавалергардской службы и посвятил всю оставшуюся жизнь охоте, а также устройству собственного имения с огромным парком, каскадами прудов, фонтанами, водопадами, мраморными статуями и

Н. Самокиш. «Травля зайца». 1900-е

множеством затейливых каменных и деревянных беседок.

Он мог позволить себе, заплатив 1000 рублей за стаю из 46 гончих, вздернуть их на осине после первого же отъезжего поля. А что ему оставалось делать, если все собаки оказались злостными скотинниками? На наш просвещенный взгляд, поступок омерзительный, но во времена Пушкина доморощенные кинологи такими негуманными методами боролись за чистоту породы и, надо признать, замечательно преуспели в деле развития российского собаководства. Впрочем, Киреевского частенько поругивали за то, что он в своем заводе так и не вывел собак фамильной породы.

Слава о его охотничьих подвигах и баснословном даже по русским

меркам хлебосольстве гремела по всей России. Частенько визитеры неделями харчились в имении Николая Васильевича, не показываясь ему на глаза, и это нисколько не задевало радушного хозяина, лишь справлявшегося у распорядителя, исправно ли исполняются желания и капризы гостей. Тех же всегда было полным-полно, да еще каких! Лев Толстой, Иван Тургенев, Афанасий Фет — из знаменитых, прочих — не перечислить. Есть свидетельства, что одна из сцен «Войны и мира» списана как раз с охоты у Киреевского. По возрасту он был старше многих гостей и любил вспоминать старину, а тем же Толстому и Тургеневу рассказывал об их отцах, ходивших у него в свое время в приятели. Ведь непре-

менное условие для приглашения в Шаблыкино — принадлежность к охотничьему Ордену и поклонение Диане.

Михаил Пыляев в книге «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898) язвительно заметил, что холостяк Киреевский испытывал неприязнь к прекрасному полу и что, дескать, женщинам доступ в имение был закрыт. Все не так. Осматривая в 1843 году свои орловские имения, мать Тургенева заехала в «карачевскую дядину деревню», откуда писала сыну: «Да!.. Само собою разумеется, что из Юшкова проеду я к Киреевскому, хотя бы его и не было дома. Но! — видеть его сад, его заведенья я себе не откажу».

Окончание — в следующем номере

Трапезная

Как рак свищет, так и рыба запоет

Максим Сырников

Старая московская кухня, сытная и изысканная одновременно, осталась в нашей памяти прежде всего благодаря художественной литературе XIX века.

БАЙДАКОВСКИЕ пироги, филипповские калачи, рябчики в сметане, расстегаи с визигой и налиమ్ей печенкой — вот то, о чем писали в свое время Чехов и Гиляровский и что сегодня мы сможем попробовать лишь в двух-трех московских ресторанах, из числа самых дорогих. Хотя и в этом случае полное соответствие исторической и кулинарной правде останется под большим сомнением.

Нас удивляет, что некогда на московских кухнях готовилось поразительно много свежей речной рыбы, ведь ныне ее в столице отнюдь не изобилие. Когда-то с Нижней Волги приходили специальные баржи-рыбовозки, которые живыми доставляли огромных белуг, севрюг, осетров. Однако и рыбы местной было тогда в досталь — из Москвы-реки, Оки и даже малых речек Подмосковья. Великий русский популяризатор охоты и рыболовства, издатель и писатель Леонид Сабанеев еще в 1880-е рекомендовал москвичам ершей из поймы в районе Перервы и утверждал, что большие налимы держатся в ямах напротив самого Кремля.

А еще в Москве-реке водилось много раков. Их ловили раколовками прямо в черте города и продавали держателям трактиров по 10 копеек за ведро.

Неудивительно, что одной из кулинарных достопримечательностей Москвы стала знаменитая раковая похлебка. Или московский раковый суп, кому как нравится.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Раковая похлебка

*Классический рецепт
середины XIX века*

- *Вода — 2 литра*
- *10 раков*
- *Рыба свежая речная (это может быть судак, осетр или стерлядь) — 1 кг*
- *Фарш из свежей рыбы для начинки — 150 г*
- *Два корешка петрушки, две луковицы и одна морковь*
- *100 г сливочного масла*
- *1 стакан сливок*
- *Два желтка*
- *Перец, лавровый лист, соль, зелень*

Корень петрушки, морковь и лук нарезать кубиком, положить в горячее сливочное масло и дать всему этому хорошенько прокипеть. Положить туда же перца горошком, лаврового листа.

Очистить и сварить шейки и клешни раков. Спинки хорошенько промыть и нафаршировать их рыбной рубленой мякотью с перцем, солью и зеленью. Затем взять 1 кг свежей речной рыбы и сварить до готовности. Отделить мясо от костей, а бульон процедить и залить коренья, которые мы предварительно приготовили в масле, дать всему этому вскипеть и опустить нарезанную кусками рыбу, фаршированные спинки раков и клешни с шейками. Бульон вскипятить, отставить на стол.

Потом вскипятить 1 стакан сливок, положить в горячие сливки два сырых яичных желтка, все размешать до однородности и влить это в суп. Перед подачей посыпать нарезанной зеленью.

В. БОРОВИКОВСКИЙ. «ПОРТРЕТ КНЯГИНИ МИИ. ДОЛГОРУКОЙ», 1811

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Своя

СЕНТЯБРЬ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины